

Наталья Викторовна Каледина

**Ирма — служебная собака
с добрым сердцем**

Наталья Каледина

**Ирма – служебная
собака с добрым сердцем**

«Издательские решения»

Каледина Н. В.

Ирма – служебная собака с добрым сердцем / Н. В. Каледина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-655431-3

Иногда, спасая кого-то, ты спасаешь себя. Иногда, собака, которая случайно появилась в твоей жизни, становится твоим ангелом — хранителем и проводит тебя сквозь все передраги. В этой книге вы найдете такую историю. Вы будете смеяться и плакать вместе с главной героиней, преодолевать трудности и радоваться счастью. За основу повести взяты события из реальной жизни и спрятаны между строчек.

ISBN 978-5-00-655431-3

© Каледина Н. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	34
Глава 9	36
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ирма – служебная собака с добрым сердцем

Наталья Викторовна Каледина

© Наталья Викторовна Каледина, 2025

ISBN 978-5-0065-5431-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Наталья Викторовна, там собачка есть. Её усыпить хотят. Как профнепригодную. Заберите её, а?

Солдатик заглядывал мне в лицо почти детскими глазами, полными мольбы и страха. Только прибывшая молодежь вообще побаивалась ко мне приближаться и всегда держалась на приличном расстоянии. Уж, не знаю, что там им за байки рассказывали офицеры или сослуживцы, но образ этакой мигеры за мной закрепился крепко и передавался из уст в уста с каждым новым призывом. Надо будет всё-таки выяснить, откуда ноги растут. Этот, вон, пошевелись я, и он даст дёру, но ведь набрался смелости, пришел просить за собаку. Достойный поступок!

– Ладно, парень, не дрейфь, разберемся. Веди, показывай и подробнее расскажи, что за ситуация.

Заметно обрадовавшись, видимо, тому, что я съедать его живьем не собираюсь, солдатик осмелел и зашагал в сторону вольеров с собаками.

На службу кинологом в эту военную часть я устроилась от дикого, просто непереносимого желания иметь собаку. Но в офицерском общежитии, где в одной крошечной комнате ютились мы с мужем и маленькой дочерью, правила категорически запрещали заводить любых животных. Даже хомяка или рыбок. Чем уж рыбки им не угодили – непонятно. Это абсолютно не мешало вольготно и вполне легально проживать мышам, крысам и огромному полчищу тараканов. Как только с ними не боролись! И травили, так, что потом вещи месяц воняли дустом. И ловушки ставили. Но увы, эта братия освободить общежитие не горела желанием. Возможно, пара деревенских кошек могла бы решить хотя бы проблему с грызунами, но комендант яростно тыкал пальцем в правила и орал истошно, до посинения лица, что никакой живности он не потерпит, сам будет разбираться с мышами и крысами. Сколько времени он собрался разбираться, уточнять не хотелось – человек и так себя чуть ли не до припадка доводит, только услышав упоминание о домашних питомцах.

А меж тем мне даже стала сниться собака. И именно – немецкая овчарка. Я вообще о ней мечтала с детства. Но родители даже слышать не хотели о подобном. Им бы нас троих накормить, куда ещё один рот. Да не маленький. А после замужества начались гарнизоны, общаги. И вот, в очередной раз, увидев во сне овчарку, я решила искать возможность. И нашла. В части рядом требовался кинолог. Да не просто кинолог, а методист. И желающих на эту должность, вот уже больше года как найти по всем городам и весям, не удавалось. Потому, закрыв глаза на мой пол, командир, стиснув зубы, взял на эту должность меня. Пять лет в Клубе друзей пограничников и несколько дипломов за подготовку пограничных собак вполне сошли за документы об образовании.

А работа оказалась настоящим раем!

Только подумайте: 120 собак разных мастей и характеров и всё практически мои. Да ещё и с 8 до 19 часов пять дней в неделю! Построения и прочие армейские забавы воспринимались мной, как пионерский лагерь для взрослых. А пионерские лагеря я в детстве очень любила. В остальное время мне надо было разрабатывать методики обучения собак и преподавать их солдатам.

Поэтому я была вольна выдумывать любые активности и тренировки.

Как известно, в любой бочке мёда всегда есть ложка сами знаете чего. И тут не обошлось без этого. Периодически командир роты составлял список собак на выбраковку. Старые, больные, просто не пришедшиеся по вкусу отправлялись в список на усыпление. Первый раз услышав о подобном, я билась в истерике минут сорок. Чем изрядно перепугала наш мужской коллектив. Как всё-таки хорошо, что мужчины не переносят женских слез! Это сработало!

Об усыплении больше не было и речи. Но мне давалось 2 недели пристроить всех из такого списка.

Объявления в газетах, листовки на столбах, уговоры людей из частных домов – всё шло в дело! После службы я носилась по всему поселку и окрестностям, приставая к прохожим с просьбой взять собачку. И всегда успевала.

И вот очередной список. Надо хоть посмотреть, что за бедолаги в этот раз в него попали.

Мы идем вдоль вольеров. Собаки радостно вертят хвостами, заискивающе заглядывают нам в лица.

– Вот она!

Солдатик показывает на тощую немецкую овчарку, грустно лежащую на ворохе сена. Животное безучастно уставилось в одну точку и не проявило к нам ни какого интереса.

– Она больна?

– Нет. Здорова. Только ее велено не кормить. Вот уже вторую неделю голодает. Я, правда, приношу ей тайно хлеб из столовой. А то помрёт, ведь.

Собака была действительно жутко худой. Даже на морде проглядывались кости черепа. Живот впал до такой степени, что казалось, он просто отсутствует.

– За что с ней так?

– Она совсем не хочет учиться. Отвлекается всё время. Даже мясо не ест на тренировках. Нам ее передали две недели назад с другой учебки. А вы в отпуске были. Вот командир и дал команду кормить только на тренировке. А как её тренировать? Она от слабости уже не поднимается. Спасите её, а?

Губы солдата задрожали и он, отвернувшись, смахнул слезу.

– Так, не раскисать! Не одну собаку я ещё не позволила умереть. И эту не отдам.

Я решительно зашла в вольер и подошла к собаке. Та чуть заметно попробовала пошевелить хвостом. Дело было плохо.

– Беги за ветеринаром и пусть захватит с собой капельницу с глюкозой. Будем спасать твою подружку.

Ах, если бы они так бегали кроссы! Даже и не подумаешь, что человек способен развивать такую скорость, подумалось мне, глядя, как быстро исчез из поля зрения солдат. А уже через несколько минут в вольер, запыхавшись, ввалился Стас. Наш ветеринар. Парень совсем молодой, загремевший на срочную, завалив сессию на третьем курсе ветеринарного института. Вот теперь у нас и «проходил практику».

– Ну что скажешь? – я кивнула на собаку.

– При вас материться запрещено.

– А шансы?

– Прикажете – жить будет.

– И чего тогда ты ещё стоишь? Письменного приказа ждешь?

– Да уже всё делаю, – улыбнулся Стас и присел к собаке.

Из всего солдатского состава только он не боялся меня и постоянно отвечивал шуточки. Да и других офицеров он тоже не особо опасался. Зная себе цену, он мог запросто отколоть шуточку в сторону командира прямо на построении. И кроме ответной шутки ничего не получить. Ведь у командира тоже есть любимая собака. И ей тоже иногда нужна помощь ветеринара.

– Ну всё, на первый раз достаточно. Через час ещё приду, поставлю. Есть ей пока нельзя. А вот с завтрашнего дня ей бы хорошей еды. Не той, что у нас всех собак кормят. Мяса бы.

– Я ей из своей еды принесу, – подал голос солдатик.

Я обвела этого героя взглядом. Кожа да кости. Его и самого подкормить бы не мешало.

– Давай без самопожертвования. Слушай мой приказ: есть всю порцию, и хлеб и мясо, в том числе самому. До последней крошки. А каждые два часа с 6.00 прибегать кормить собаку, взяв по дороге у меня для нее миску с едой. Понял?

– Так точно!, – отсалютовал мне солдатик, еле задерживая довольную улыбку.

– И ещё: для всей роты, ты мной наказан и приставлен к этому вольеру и этой собаке. Её солдата я прикреплю к Чаку. Этот пёс быстро научит его уму разуму. Ишь, что удумал, позволить собаку голодом морить. Даже приказ командира не дает права измываться над своим боевым напарником. Всё время, между основными обязанностями, ты должен находиться здесь. В её вольере. Просто садись рядом, оглаживай, разговаривай, успокаивай. Ясно?

– Так точно, – солдатик еле сдерживал себя, чтобы не кинуться меня обнять. Я отвернулась, спрятав улыбку. Не зачем развенчивать свой образ злой ведьмы, он отлично играет мне на руку.

На следующий день моя подопечная с аппетитом полакала мясной бульон с говяжьим фаршем. После такой голодовки резко кормить нельзя. Буквально по ложечки, но часто.

– Наталья Викторовна, ей бы поделаться капельницы с п*****. Но у меня его нет. Это только в клинике. Я тут у местных узнал, одна станция на электрички до ближайшей, где есть такой препарат. Без него можем не справиться.

– Ну надо, так надо. Сколько раз в день?

– Хотя бы утром и вечером.

– Значит будет утром и вечером.

Я пошла к командиру.

– Фёдор Иванович, разрешите обратиться?, – осторожно постучала я в кабинет ротного.

– Заходи, обращайся.

– Фёдор Иванович, мне необходимо в течение недели отсутствовать на утреннем построении. Дела семейные. Вот объяснительная, – протянула я листок.

– Уж не из-за очередной собаки кипишь?

Он проницательно посмотрел на меня. Бесполезно было отнекиваться. Я всецело уважала своего командира. Впервые в жизни я встретила такого человека, который, кажется, умел читать мысли и заглядывать в душу. Иногда мне казалось, что он знает меня лучше, чем я сама.

– Так точно, – вздохнула я.

– Из-за Ирмы из шестой локалки?

– Угу.

– Тебе же зарплаты не хватит её выходить. А у тебя дочь маленькая, деньги нужны. Сама ведь мясо себе не покупаешь лишний раз, а этой собаке носишь.

– Фёдор Иванович, я без него выживу, а она нет. Я должна её спасти. Это ж надо ж было так довести животное! Если бы у нас в части – я бы точно глаза бы выцарапала тому умнику! А так мне только спасти её остается. Я честно-честно потом отработаю, – взмолилась я, готовая пустить в любой момент проверенное оружие – женские слёзы.

– Да делай, что хочешь! Только отработать придется. Через 8 месяцев у нас на территории роты будут соревнования кинологов округа. Мы уже почти 6 лет не выставляем команду. А ты ещё ребенком собак для таких соревнований готовила, – припомнил он мне мои дипломы. Так вот, бери кого хочешь из солдат и кого хочешь из собак, и чтобы в этом году у нас не только команда была, но и место призовое.

– Но за такой срок это нереально!

– Подготовишь – Ирма будет твоей. Не подготовишь – поедет со своим упырём, что её заморил, дальше служить.

Как заставить любого делать, то что, считает нужным, командир знал отлично. И всегда находил ключик для шантажа. Вот и сейчас знал, как и чем меня смотивировать.

– Хорошо. Но тогда те, кого я выберу, будут освобождены от всего остального. Мы будем работать почти круглые сутки.

– Ну, круглые не надо. На ночь я тебя задерживать в части права не имею. И их из части на ночь отпускать не смею. Если только в их отгулы. Но, сомневаюсь, что парни пожертвуют тебе своими отгулами.

– Ничего, я тоже умею договариваться.

– Вот и отлично. И чтобы место на соревнованиях, хоть третье, но было у нас! Уяснила?

– Так точно!

– Можешь идти.

Я вышла из кабинета и направилась искать Стаса. Вечером поедem в ветклинику. Надо успеть оформить на него пропуск.

– Это ж, как же вы, ироды, так бедное животное уморили! Как же вас земля-то после этого держит, – трое бабулечек в электричке причитали, увидев нашу собаку.

Стас аккуратно положил её в угол вагона рядом с сидением. Идти она пока не могла, но и весила для овчарки очень мало. По очереди, сменяя друг друга, мы донесли её до станции и внесли в вагон.

И почти сразу встретили шквал возмущения от сердобольных пассажиров.

– Да болеет она просто. Вот и похудела. К ветеринару везем её. Выхаживаем, – увернувшись от уже нацеленной на меня клюки, оправдывалась я.

– Ну если так, ладно. А что с ней? Это не заразно?

– Ты, Петровна, в своём уме? Ты чем от собаки такой заразишься хочешь? Бешенством только сама её заразить можешь, если кусаться начнешь. Вон, как на людей кинулась. А глистов боишься, так не облизывай собаку, да и всё. А для других болезней собачих ты сама собакой быть должна, чтоб заразиться. Я знаю, у меня зять – собачник, питомник у него.

Старушки принялись обсуждать своих родственников и оставили нас в покое.

– Так, билетики предъявляем, – в вагон зашли контролеры. Дородная тетка, килограмм на сто весом и чахленький мужичек.

Тетка громогласно оповестила вагон о своём присутствии, мужичек тихонечко осматривал протянутые билеты.

– Это ж, что ж вы, господа военные, псину свою без намордника везёте в общественном транспорте, – аж побагровев от возмущения, уперев руки в боки, контролёрша нависла над нами.

– Какой намордник? На себя надень намордник! Собачка, вон, себя на лапах держать не может, а ты на нее пялить ещё штуковину предлагаешь?

Бабулички аж повскакивали со своих мест, накинувшись на контролёршу.

– Ты на себя посмотри! Отъела себе зад, в проход не помещаешься, а ведь тут люди сидят, дети, а ты им своей кормой в лицо! Какой намордник?! Она тебя трогала? Ты глаза-то разуй, что за животинка на полу. Она дохлая почти, а ты на нее кидаешься.

Бабушки не давали той даже рта открыть. Точнее, рот-то она открывала. Да слова сказать ей не позволяли. Вот и клюка уже в дело пошла. Тыкает ею старушка в контролёршу, от собаки прогоняет.

– Да положено же в наморднике, – наконец, удалось взвизгнуть контролёрше и начать отступление.

– Вот кем положено, тот пусть и ложит. А ты головой своей пользуйся, раз уж на такой работе устроилась.

Шумят бабульки, а другим пассажирам тоже за доброе дело в какие-то веки на контролёров пар спустить в радость. Вот уже весь вагон, как всполошенный улей, гудит. А мужичек-контролер знай своё дело, идет, тихонько билеты проверяет. И уже с другого конца вагона ей машет, что всех, мол, проверил, пошли. Та, под возмущения всего вагона, кинулась его догонять. А мы чуть не проехали свою остановку за всем этим спектаклем.

Глава 2

– Наталья Викторовна, разрешите обратиться?

Трое сержантов, смущаясь, и пихая друг друга, встретили меня на входе в казарму.

– Ну, давайте, выкладывайте, что стряслось. Чего это мне такая почесть, личное построение. Или меня тут повесили за ночь?

– Мы, того... мы...

– Да что ты мычишь, как бычок на веревочке, – второй сержант одернул того, кто начал разговор и перехватил инициативу.

– Мы слышали, что вы будете команду к соревнованиям готовить. Возьмите нас. Мы не подведем.

Высокий худощавый Дмитрий обычно не особо проявлял интерес к моим лекциям, а тут такое рвение. Два его дружка, Сергей и Анатолий, тоже не блистали жадной жаждой знаний. А тут, на тебе, возьмите. И с чего это, интересно мне знать, такое рвение?

– И откуда такое желание? Вы же у меня не самые фанатичные ученики. Даже скорее наоборот, фанатичные отлыниватели. А к соревнованиям всего 8 месяцев готовиться. Значит, почти круглосуточно. И халтурить не получится, взащей выгоню. Ну-ка, колитесь, чего хотите?

Все трое переглянулись. Небольшая заминка. И слово взял Анатолий.

– Нам ротный приказал снабдить вас надежной командой. И обещал головы снести, если наши оболтусы вас подведут. А нам тут до дембеля как раз 10 месяцев. Залет, ну ни как, не в масть. Короче, мы тут подумали и решили сами готовиться. Чтобы не зависеть от молодняка. Нет им доверия. Никому.

– Ну, что ж, легенда похожа на правду. А четвертого кого возьмем?

– В смысле – кого? А я?

Бас Стаса за моей спиной заставил всех одновременно вздрогнуть.

– Ты -то, с какого боку? Ты же – ветврач. У тебя своих задач выше крыши.

– Задач нормально, всё успеваю. Надеюсь, никакой эпидемии не предвидеться. Всё успею. К тому же, у меня теперь надёжный помощник есть, – он чуть наклонился, позволяя заметить прячущегося за спиной солдатика. Того самого, кто просил меня за Ирму.

– Вам же ротный не говорил, сколько именно человек готовить? Вот и будет нас 5. Вдруг, кто заболит перед соревнованиями.

– Ничего, Стас, укол больному вколешь и на испытания. Хоть с температурой, хоть с поносом, побежите, как миленькие.

– Да ясно дело, Наталья Викторовна, что побежим. Но можем не добежать, – Стас не смог не хохотнуть на моё высказывание.

– Отлично. Хорошо. Раз сами вызвались – тем лучше! Ненавижу приказывать там, где энтузиазм нужен. А собак себе уже выбрали?

– А то! Со своими и пойдем.

– А я Чака возьму, – сказал Стас, не скрывая удовольствия от произведенного эффекта.

– Он же безбашенный! Ты вообще, понял, что сказал?

– Конечно. Если вам слабо с нормальным сладить, то я-то причём? Он- отличная собака. А на задержании ему вообще равных нет.

– Конечно, нет. Он же дрессировочный защитный костюм зубами на лету пробивает. Под него никто фигурантом идти не хочет. Ты на ком его готовить будешь?

– Я пойду, – подал голос солдатик.

– Ты? Да он тебя одним весом сшибёт. Ты того пса, вообще, видел?

– Не только видел. Я с ним и занимаюсь на полевых.

Я с наслаждением наблюдала, как менялись лица у моих сержантов. Из недоверия они плавно вытянулись в маски удивления и уважения. Немного дав себе времени покайфовать от этого зрелища, я всё -таки, прервала картину:

– Отлично, Юрий с Чаком будут пятой парой.

– А вы, Наталья Викторовна, подготовите Ирму. И по всем нормативам. Как замену, если кто из ваших подопечных подведёт.

Теперь подпрыгнули все и я, в том числе. Незаметно подошедший ротный застал нас врасплох.

– Фёдор Иванович, там готовить пока нечего. Она же почти живой труп. ещё даже вставать не начала.

– Это ваши проблемы. В вашей команде даже ветеринар. Вот и кумекайте, как её возродить. Она на усыпление шла, как непригодная к обучению. Раз вы её оставить хотите, вот и докажите, что мы ошиблись и она вполне обучаемая.

– Да докажу, конечно, но не также быстро. Ей же до первых занятий месяц минимум здоровья и сил набираться надо, – мне очень не хотелось при солдатах показывать свою слабость, но паника внутри нарастала.

– Это ваши проблемы. Я решил. И приказ сегодня же будет по части о закреплении вас и ваших собак, как команды. Теперь, разговоры прекратить, приказы не обсуждают, их исполняют. Все свободны.

И он зашагал прочь, оставив меня в полном раздрае чувств. Задача казалась не выполнимой.

– Не волнуйтесь, Наталья Викторовна, Ирма не подведет, – мне на плечо опустилась чья-то рука. Дмитрий, смущаясь, одернул её, стоило мне обернуться.

– Справимся, Наталья Викторовна, справимся, – поддержал Стас. Парни закивали в знак согласия.

– Тогда через десять минут жду всех в кабинете. Будем разрабатывать план.

И Ирма действительно, словно почувствовав нашу надежду на нее, стала набирать силы очень быстро. Уже на третий день она попробовала сама подняться и сделать несколько шагов, а утром четвертого дня встретила нас, хоть и пошатываясь, но стоя на всех четырёх лапах. Мы всё также утром и вечером возили её в клинику на капельницу. Теперь уже нахлобучив на нее намордник, как талисман от злых контролёров. Порция еды достигала обычного, для такой собаки, размера, а все мои деньги шли на покупку мяса. Через неделю, на последнюю капельницу, Ирма уже шла до станции своими лапами. Вид у нее был, конечно, ещё ужасный. Обтянутый кожей скелет собаки распугивал прохожих и нам регулярно доставалось от сердобольных граждан, за то что мы «довели бедную животишку».

Всё время мы занимались теперь дружной нашей командой подготовкой к соревнованиям. Парни, действительно, оказались трудолюбивыми и упорными. Общий курс послушания уже через две недели тренировок можно было смело отдавать на суд жури соревнований.

Но впереди было самое сложное.

Нам надо было подготовить одну минно-розыскную собаку, вторую собаку следовую с навыком задержания, третью собаку для охраны объекта и обыска местности и двух собак-универсалов, со всеми этими навыками. При этом, ротный приказом обозначил Ирму, как собаку-универсала. А заниматься с ней мы пока даже не могли начать.

– Наталья Викторовна, пойдёте быстрее! Что я вам покажу!, – Дмитрий забыл про всякую субординацию и схватив меня за рукав, потянул к дрессировочной площадке.

– Эй, полегче! Если кто увидит, тебя живьем съедят!, – я выдернула рукав и огляделась, – побежали!

И мы припустили к площадке. Подбегая, я заметила привязанную к березе, Ирму. Стало понятно, почему солдат так себя вёл. Оставлять собак на привязи без присмотра было строжайше запрещено.

– Ты чего творишь? На гауптвахту захотел?

Я присела огладить и успокоить собаку. Хотя успокаивать надо было меня. Ирма же ничего, кроме радости от встречи, не выказывала.

– Да я вас увидел и побежал сюда позвать. Вот и привязал. И потому и спешил, что она тут одна. Просто у меня для вас сюрприз. Точнее, у нас для вас сюрприз, – он подмигнул собаке, – вот смотрите.

Парень отвязал поводок и они с собакой пошли по тропинке. Ирма преданно смотрела в глаза Дмитрию и вышагивала строго рядом. Он остановился. Она села. Он пошёл дальше. Собака осталась на месте. Он обернулся. Подал ей знак. Собака легла. И тут он выхватил из запазухи веточку и бросил её от себя. Собака рванула с места и принялась искать веточку. Через несколько секунд уже радостно вернулась с ней к солдату и уселась, тыкая ему веткой в ладонь.

Я, кажется, перестала дышать. Ещё вчера, казалось, эта собака с трудом волокла ноги, задыхалась от двухминутной прогулки и не знала даже команду «Сидеть».

– Как. Тебе. Это. Удалось? – я не мигая почти шепотом спросила у Дмитрия.

– Она, оказывается, очень и очень умная! Просто, согласна работать только в обмен на игру. Потому она и не слушалась в той части. Там всё ходили с хворостинами и постоянно ими замахивались. И она рвалась их ловить. Даже умирая от голода, она хотела играть, больше, чем есть. А к нам её привезли, просто, уже очень слабой. Я вчера вечером пошёл с ней на вечернюю прогулку. Хотел отбросить ветку с тропинки, а Ирма как рванула за ней. Откуда только силы взялись. И мне принесла, в ладонь тычет. Ну, я и стал ей предлагать команды, в обмен ветку кидать. И мы весь курс послушания за вечер и выучили. А утром взял её из вольера, палочку подобрал, так она мне сама все команды без всяких приказов выполнила.

Смеётся парень и снова и снова кидает веточку собаке. Не далеко кидает, в метре от себя. Чтобы не утомить. А та в прыжке ловит и снова ему в руку тычет.

Слезы предательски подкатили комом к горлу. Теперь я тебя, милая, никому никогда не отдам!

– Только не загоняй её, слабая она ещё. А в таком азарте и не заметит, что устала. Веди отдыхать. Да мяса побольше сегодня ей положи, я там на два дня принесла, так ты ей сегодня всё отдай. Я завтра ещё принесу.

Я присела и обняла собачью шею. И это счастье они хотели убить? Это же самая что не наесть МОЯ собака! Та самая, из моих снов.

Глава 3

Дни полетали каруселью. Утром я мчалась на рынок за свежим мясом для Ирмы. В общаге в холодильнике много не уместить. Да и не всегда уследишь, чтобы сосед со своим не перепутал. Благо рынок работать начинал с семи часов утра и был прямо по пути в часть. В части первым делом я летела к Ирме. Проверить, как она, накормить свежим мяском. Творог и яйца спокойно могли дожидаться обеденного кормления, а вот мясо надо отдать сразу. Хранить его в холодильнике части оказалось тоже не надежно – несколько кусков не дождалось выдачи и бесследно исчезли. Но молодой организм восстанавливался, на радость нам, очень быстро. И уже можно было кормить три раза в день нормальными большими порциями.

Силы тоже прибывали не по дням, а по часам. И вот уже Ирма весело таскает за собой на поводке Дмитрия. Тот вынужден иногда даже хвататься за ветки деревьев, чтобы не упасть от очередного рывка.

Стало очевидно, почему собаку признали непригодной к службе. Неуёмная любовь к апортировке – игре с палочкой перевешивала в этой собаке даже чувство самосохранения. Увидев взмах любой палочки, она мгновенно срывалась в её сторону. И никакие команды не действовали.

– Как же мне объяснить-то тебе, солнышко ты моё, что играть надо только с моей палочкой? Что нельзя убегать за другими, – трепала я за шею свою любимицу после очередного её побега.

Мозговой штурм с ребятами не принес никакого результата. Наедине собака показывала просто образец послушания, но стоило только вывести на групповое занятие, как любой предмет в руке у кого либо, и она срывалась с места. И тогда словно глохла. Ни команды, ни грозные окрики не помогали. Ни с одной из многих сотен, прошедших через мои руки собак, я с таким не встречалась. И как быть – понятия не имела.

– А давайте раздобудем электрошейник и будем щёлкать её каждый раз при побеге.

– Беги, Юрка, беги! Сейчас тебе Наталья Викторовна за такое предложение без электричества 220 устроит, – Стас оттолкнул ловко того в сторону из под моей, уже занесенной над того головой, руки.

В части все знали, что за причиненную боль собаке, я наказываю жестоко. И в пределах закона. Это сейчас я чуть не допустила рукоприкладство, а обычно я тихо отдаю команду на всеобщее построение и вместо мирного занятия теорией дрессировки в кабинете, устраиваю полевою тренировку при полной выкладке. Есть у нас за лесочком отличное непросыхаемое болотце. А команда «собак на длинные поводки, бегом марш!» вызывает у ребят не поддельный ужас. Ибо длинный поводок – это 5 метров веревки, на которой радостно несётся собачка, весом от 40 и более кг. Кусты, деревья, ямы. Весело. Но такое «веселье» может хлопотать вся рота только при условии, что кто-то пнул или ударил собаку. И я это заметила, хотя бы, краем глаза. А в остальном я – подарок, а не учитель. Заданий не задаю, на занятиях спать разрешаю. Особенно на теории. Какой дурак её вообще придумал? На практике всё равно объяснять всегда заново приходится.

– Ладно-ладно! Я только предложил! Вдруг он там только щиплетесь и не больно, – попробовал вернуть мою благосклонность Юрий.

– Вот на тебе и попробуем! Я даже нашатырь захвачу на всякий случай, – засмеялся Стас.

– Ладно, черти, давайте по делу. Завтра попробуем устроить целый день провокаций. Я иду с ней по площадке, а вы, по очереди, делаете взмах палочкой и тут же прячете её в рукав. Вечер на то чтобы отрепетировали до автоматизма! Задача ясна? Все свободны.

И распустив своих орлов, я пошла гулять со своей любимицей. Надо было ещё обойти с проверкой всех собак и проверить карантинное помещение. Там залечивали раны двое,

вчера сцепившихся, псов. Надо проверить их самочувствие. А потом можно и домой. Обещала сегодня дочке пораньше прийти.

День выдался сложным и, самое обидное, с нулевым результатом. Если не сказать хуже.

Идея с исчезающими палочками с треском провалилась. Эта собака проявляла чудеса интеллекта, сообразив, куда именно исчезает палочка и, усаживалась напротив, словно маньяк, не сводя внимательного взгляда. Сначала это было смешно и забавно. Но через несколько часов стало раздражать. Поскольку целью было совсем не её внимание к спрятанной палочке.

В дополнение к этой неприятности, у Герды – собаки Дмитрия, началась течка. Мало того, что она стала словно никогда не слышала никаких команд, так ещё и Чак, собака Стаса, полностью отключился от работы. Все его мысли и интересы были только на текущей Герде. И даже если мы выводили их отдельно, запах от нас был достаточным, чтобы пёс полностью забывал о работе.

А между тем, именно у Чака были огромные проблемы с освоением полосы препятствий. Ну, никак этот сильный смелый пёс не мог совладать со страхом любой высоты. Будь то обычный невысокий забор или, переброшенное через неглубокую канаву, бревно. Ни ласка, ни уговоры, ни вкусное лакомство, ни собственный пример, ничего не могло уговорить его. И, если Ирму мы пока не обучали полосе препятствий в силу её ещё не достаточно окрепшего организма, то остальные собаки уже отлично усвоили и быстро проходили полосу препятствий, и только Чак упорно не хотел даже символически подходить к снарядам. Эта проблема тоже сегодня существенно омрачала день.

Ну и «вишенкой на торте» стал сбежавший Шон. Это прекрасно сложенная восточно-европейская овчарка только прибыла вчера в часть. Её привез хозяин, который решил сделать такой вот подарок нашей части. Пёс не понимал, что его отдали навсегда. Бросили. Предали. Он принялся охранять вольер в ожидании хозяина, отказывался от еды и до истерики боялся, доносящихся с полигона, взрывов. Как назло весь день и вечер шли учения. Ну никак не получалось успокоить эту собаку. От жалости к нему, я в кровь искусала губы, и сама была готова рыдать рядом с его вольером. За сутки он так и не притронулся к еде. И никого не впустил в вольер.

Но не одна я так переживала за страдания собаки. Молодой солдатик, прибывший в часть с новым призывом, решил всё таки зайти в вольер к Шону, пока никто не видит. Открыл вольер, ожидая, что собака бросится на него, и... Шон действительно бросился на него. Но не укусил. А сбил с ног, перепрыгнул и выскочил из вольера. На беду, калитку локалки это юное чудо тоже забыло закрыть и, под дикий лай собак, пёс выскочил наружу, промчался по территории, в гоняя в ужас всех встречных, и исчез за воротами части.

Я как раз обедала, когда с этой новостью влетел в столовую Стас. Аппетит как ветром сдуло. И нас тоже. Оформлять пропуск на выход из части просто не было времени. Да мы и не вспомнили про него. Промчавшись мимо, ошалевшего от нашей наглости, дежурного, наша пятерка рванула на поиск собаки.

Собаку найти не удалось. Зато по возвращению нас ждала серьезная выволочка, выговор с занесением и лишение очередных отгулов. От гауптвахты спасли только приближающиеся соревнования. Но разнос мы получили знатный.

И вот теперь, лёжа на траве, мы пытались придумать, что делать дальше.

– Наталья Викторовна, у меня есть дурацкая идея, но может сработать. А давайте раздражим Чака Гердой, подводя поближе, и пустим их на полосу препятствий. Герда её шикарно проходит. А он пусть так за ней в хвост и идет. Может быть инстинкт размножения затмит страх перед препятствиями, – предложил Стас, вызвав приступ хихикания среди мужского состава.

– Ну и что вы ржёте? Сами ведь перед девчонками лезете туда, куда на трезвую голову даже мысли не возникло лезть. А он – собака! Тем более должен в такие минуты ничего не сообщать.

Довод был железный. К тому же, попытка – не пытка. Мы ничем не рисковали. Наша команда уже давно перестала бояться Чака и только для собственной значимости поддерживала его репутацию злой собаки.

– А ещё, парни, у меня есть идея, как использовать страсть Ирмы к палочкам. Завтра будем играть с ней в прятки. Попробуем обучить её обыску местности через поиск, спрятанной за пазухой, палочки.

– Класс! Это может сработать. Только после сегодняшнего марш-броска я завтра буду с трудом даже ходить.

– Отставить нытьё! Все бегали. И ничего. Это ж вам не с выкладкой по бурелому. В общем, так. Сейчас ты бежишь очень быстро в штаб. Объясняешь ситуацию с сбежавшей собакой и говоришь, что мной приказано напечатать текст о потере и распечатать штук 100 объявлений. И что хочешь делай, но приказ должен быть выполнен и выполнен в течение часа. Ты у нас самый любимчик женщин, тебе и решать эту задачу. Улыбайся, заигрывай, но чтобы через час объявления были уже у меня. Я протянула листок, с написанным наспех текстом, Дмитрию.

– По дороге домой развешу по посёлку. И утром завтра, – продолжила я.

– Наталья Викторовна, а как ваш муж терпит вашу работу и постоянные задержки на ней?

– Отставить разговорчики! Стас, ещё один вопрос в нарушение субординации и я в ответ тоже нарушу субординацию, хорошенько оформив тебе лицо своим маникюром. А ребята подержат вместо анестезии. Понятно объяснила?

– Так точно, – усмехнулся Стас, явно не напуганный такой угрозой.

– Отдохнули и хватит. Пойдемте, обойдем собак, пока я жду объявления. Проверка лишней не бывает.

Нехотя поднявшись, парни разошлись по локалкам.

Локалка – огороженная высоким сетчатым забором прямоугольная территория. По длинным сторонам расположены ряды вольеров для собак с теплой будкой внутри вольера. Один вольер для одной собаки. Вольеры отделены друг от друга деревянной стеной в человеческий рост. Каждый вольер для одной собаки. По длине находятся 20—30 вольеров на каждой стороне. Между вольерами свободное пространство с невысокой травой.

Глава 4

– Там ваша собачка, у меня в сарайчике, – окликнула меня старушка, стоило отойти буквально несколько метров от столба, где я наклеила последнее объявление.

Я поспешила за ней.

– Он в дом просился, да в дом нельзя. Там кошка у меня. Кто его знает, как он с кошками. Большой ведь. Если кинется, не удержу. Так я ему в сарайчике постелила старое одеяло, да супчика налила. Оголодал совсем. Давно он у вас потерялся?

– Да только сегодня сбежал. Только он уже сутки не ест ничего. Его хозяин привез и оставил. Вот он и тосковал.

– Ох, бедненький. И как же он теперь?

До меня донестись знакомые звуки. На полигоне опять начались стрельбы. Да, отводить его сейчас назад будет очень жестоко. Да и электричку пропущу, следующую ждать почти два часа. Эх, была-не была! Поедем в общагу! Попробую пробраться незаметно. Уж одну ночь как-нибудь перекантуемся. А утром поедем в часть. Главное, чтобы он сейчас не стал сарай охранять и подпустил. Всё таки замечательно, что у меня всегда с собой есть поводок. А намордник для электрички сооружу из этого самого поводка.

Ухоженный огород. Маленький, вросший по самые окна в землю домик. Сарайчик серый покосившийся. Дверь чисто символически закрыта на деревянную дощечку на гвозде. Такую не то что крупная собака выбьет, щенок в игре сломает.

Старушка открывает дверь.

– Эй, малый, за тобой пришли. Иди сюда.

Из сумерка сарая появляется собака. Точно, наш.

– Шон, мальчик мой, ты чего ж это убежал? Домой так не доберешься. Да и не нужен ты там, пойми. Тут теперь твой дом.

– Ты чего ж такое ему говоришь, дурная твоя голова! Он ведь всё понимает! Лучше скажи, что любить его будешь и что нужен он тебе, – старушка укоризненно покачала головой.

Пёс стоял, глядя на нас и, словно решая, что делать. Я сделала осторожный шаг навстречу. Он не шелохнулся. Я сделала ещё один.

– Да что ты крадёшься к нему, будто, что плохое задумала, – оттолкнула меня легонько женщина и бодро направилась к собаке. Я затаила дыхание, готовая в любой момент броситься на помощь. Но зря. Шон тут же завилял хвостом и уткнулся головой в её ноги. Она трепала его за загривок и приговаривала:

– Ты, парень, не бойся. Вроде девка она не плохая. А если что, дорогу знаешь, прибегай, со мной жить будешь. Только кошек чтобы не трогал. А сейчас иди и веди себя хорошо, – она с трудом нагнулась и поцеловала собаку в голову.

Я спокойно подошла и пристегнула поводок. Потянула. Пёс остался стоять.

– Иди, говорю! И слушайся её, – старушка тихонько отпихнула от себя собаку.

Тот подался в мою сторону, оглянулся, словно вглядываясь в её лицо. Она кивнула. Он отвернулся и покорно пошёл рядом со мной. Идеально, не натягивая поводка.

Мы подошли к станции. Всю дорогу я разговаривала с собакой, гладила его. Мне было тревожно: вдруг он испугается электрички? Что тогда?

Но на удивление, пёс спокойно вошел со мной в вагон. И сидел идеально всю дорогу у меня в ногах. Контролёров не было. Пассажиры этого направления давно привыкли к людям в форме с собаками.

Без приключений мы добрались до общежития. Был поздний вечер. Почти ночь. Дочь с мужем должны были ночевать у друзей, поэтому я спокойно открыла ключом дверь комнаты,

запустила туда собаку, закрыла дверь и пошла помыть с дороги руки на общей кухне. Яркий свет резанул глаза.

– Что-то ты сегодня поздно?

Муж стоял у плиты, перемешивая картошку в сковородке.

– А ты чего здесь? Ты же с Алёнкой собирался ночевать у Поповых?

– У них сын сегодня температуру выдал. Решили не цеплять заразу.

– А Алёнка где?

– В комнате. Тебя ждет.

Холод пробежал по спине. Ребёнок! В комнате! С агрессивной крупной собакой!

Стрелой я метнулась в комнату. В голове уже пронеслись кровавые картинки. Рванула дверь на себя и замерла.

– Хороший пёсик! Ну покажи язычок. У тебя там пятнышко красивое.

Дочка сидела верхом на собаке и ручонкой ловила её язык, пытаясь вытащить его посылнее. Пёс покорно терпел все выходки малышки.

– Мамоchка, посмотри кто у нас в гостях. Это Барсик. Он будет у нас жить, – представила мне собаку дочь и демонстративно улеглась на его спине, обхватив огромную собачью шею ручками.

Вдруг пёс глухо зарычал. Шерсть поднялась от самых ушей и до кончика хвоста.

– Ты чего это сердисься? Это мои мама и папа. Они хорошие.

– Наташа, что здесь происходит?

Оказывается, муж подошел ко мне и это вызвало такую реакцию у собаки.

– Замри и не шевелись. Ты ему не внушаешь доверия. Я попробую сейчас всё разрулить, – я сказала шепотом мужу, стараясь не привлекать внимание собаки. Ситуация была щекотливая.

– Шон, солнышко, ты обещал хорошо себя вести. Помнишь? Можно мне подойти?

Собака вильнула хвостом. Я сделала осторожный шаг. Собака не выдала беспокойства. Я увереннее прошла в комнату и присела рядом.

– Отлично, умный мальчик, – погладила я пса, наматывая на руку поводок.

– И он здесь тоже живёт, он – свой. Фу! – попробовала я объяснить собаке.

– Попробуй спокойно сделать шаг, – сказала я мужу.

Но стоило ему шелохнуться, как мгновенно раздался глухой рык и собака напряглась.

– Да, милый, дело плохо. Похоже, придется тебе сегодня ночевать в казарме. Завтра я отведу его назад и всё образуется. А пока, вот так.

– Но что это за собака? Откуда она?

– Милый, ты же знаешь, где я служу. Вот и к чему эти вопросы? Я ужасно устала. Алёне пора спать. Давай, я расскажу тебе всё завтра. А пока, ступай в казарму. Я тебя очень люблю!

– Папочка, ты не сердись на Барсика. Он просто нас с мамой охраняет. Он же не знает, что ты хороший. А солдатики твои не будут по тебе ночью скучать. Ты же часто с ними ночуешь, вот и сегодня поспи с ними. А завтра я тебя подружу с Барсиком и мы будем все вместе жить, – дочь упорно называла собаку Барсиком и явно решила, что тот будет жить теперь с нами. Что ж, завтра надо будет срочно отвлечь её внимание, чтобы она и не вспомнила больше о собаке.

Муж вздохнул, аккуратно, под пристальным взглядом нашего охранника стянул с вешалки форму и закрыл за собой дверь.

Надо будет завтра прийти пораньше и устроить романтический ужин, загладить эту ситуацию.

Стоило стихнуть шагам за дверью, пёс расслабился, и положил голову на лапы. Тяжело вздохнул и закрыл глаза.

– Ну ладно, завтра будем играть. Спи. Ты, наверное, устал на службе, – дочь чмокнула собаку в шею, слезла с него и забралась ко мне на руки.

– Мамоchка, а у тебя хватит сил на сказку?

Я обняла дочь и взглянула на мирно спящую собаку. Он подрагивал во сне.

– Конечно, милая. Давай сегодня спать вместе, – я передела Алёну в пижаму и уложила на свою кровать к стенке. Быстро переделась и легла, к, уже задремавшей, дочери.

– Жил-был пёс..., – начала я сказку.

Глава 5

Спросонья я и забыла про вчерашние приключения и чуть не наступила на собаку, вставая с кровати. Пёс вздрогнул, но остался на месте. Оставлять спящего ребенка с незнакомой собакой было очень страшно. Но мочевой упорно требовал прогуляться до уборной.

– Посиди немного в наморднике. Я быстро, туда и обратно, – приговаривала я, натягивая на морду Шону намордник. Тот не выказал никакого сопротивления.

Метнувшись бегом в уборную, чисто символически ополоснув лицо, я влетела в комнату. Собака всё также дремала рядом с кроватью. Дочка посапывала у стенки.

– Хороший мальчик, – похвалила я пса, снимая намордник. И снова завалилась досыпать.

– Ты только тихонько, не шуми. Пусть мама ещё поспит. А мы с тобой поиграем. Давай ты будешь сыночком, а я буду тебя кормить. Только понарошку. Аккуратно, не проглоти ложку.

Детский шепоток прокрался сквозь сон. Дочь с кем-то увлечённо играла. Собака! Пронеслось у меня в сознании. Сон как рукой сняло. Я резко села на кровати.

На полу, разложив вокруг собаки детскую посуду и игрушечные продукты, дочь кукольной ложкой изображала, что кормит собаку. Та подыгрывала ребёнку, облизывая то и дело, крошечную ложку. На шее повязаны были дочкины колготки, словно слюнявчик. На голове красовалась детская панамка.

Успокоившись, я с умилением смотрела на этих двоих. Острая боль сожаления, что эти игры не будут иметь продолжения, что мне придется их разлучить, ковыряла мне душу. К глазам подкатились непрошенные слёзы.

Нет, однозначно надо что-то менять! Дождаться получения квартиры мы можем ещё годами. Вон, Стрельцовы уже 12 лет в очереди. И детей уже трое. Не могут выделить квартиру, пусть меняют правила общежития! Пойду прямо сегодня к командиру части, пусть решает вопрос.

Шон – отличная семейная собака. Только с мужем надо его подружить. И цены ему не будет, как члену семьи. А в часть ему нельзя. Он с ума сойдет от выстрелов. Может быть та старушка сможет его приютить? А я с кормлением помогать буду.

За такими размышлениями я накормила этих двоих завтраком. Пес поел с отменным аппетитом. Дочка тоже не стала, как обычно, капризничать, за едой, глядя на своего лохматого друга.

Пройти незаметно не получилось. В это время всё просыпаются и общага шумит, как улей. Но к моему несказанному удивлению, всё соседи доброжелательно отнеслись к собаке и пообещали не выдавать нас коменданту. Тот приходил всегда только к обеду и застать нас не мог.

Мы вместе прогулялись до детского сада. Дочь обняла за шею собаку, чмокнула в морду и побежала рассказывать в группе о своем новом «братике».

А мы зашагали к перрону.

– Доброе утро! Я не спросила вашего имени.

– Ольга Яковлевна.

Я застала старушку, поливающей небольшую симпатичную клумбу около её калитки.

– Ольга Яковлевна, а не могли бы вы действительно оставить Шона у себя. Я буду приносить ему еду. Просто нельзя ему в часть. Он выстрелов боится. Да и в вольере ему страшно. Он домашний.

Я рассказала женщине, как пёс подружился с дочерью, как мирно спал, как терпел, пока я его не вывела на улицу.

– Да я и сама даже всплакнуть успела. Уж больно хорош. Успела к нему привязаться. Прямо глазами в душу запал с первого взгляда. Только вот кошка...

– А давайте сейчас посмотрим, как он к кошкам. Принесите. Он в наморднике и я его крепко держу.

– Да моя Мусильда всех собак на улице гоняет. Не испугается. Главное, чтобы он на нее не бросался. Держи покрепче, а лучше, привязывай к забору. А я за Муськой схожу.

Она ушла, а я обмотала проводком столбик забора.

Через пару минут старушка появилась на пороге, держа в руках серую, самую обычную кошку. И пошла к нам.

Пёс благодушно смотрел на её приближение и вдруг заметил кошку. А кошка заметила его.

Мы с женщиной замерли, ожидая что будет дальше.

А дальше всё произошло со молниеносной скоростью.

Кошка вырвалась из рук хозяйки и бросилась к собаке.

А собака... пёс лег на землю и перевернулся кверху брюхом, неистово стуча о землю хвостом.

Кошка с разбегу вскочила на шею собаки и...

И мы услышали громкое мурчание. Шершавый кошачий язык вылизывал морду собаки, а кошачьи лапы обхватили морду. Кошка, распластавшись на собачьей шеи, намывала псу морду, словно котёнку. И очень громко мурлыкала. А пёс даже глаза закрыл от удовольствия, и только хлопки виляющего хвоста о землю, выдавали его счастливое настроение.

– Нет, ты только посмотри на этих двоих! Как будто после разлуки в сто лет неразлучные друзья. Так ведь незнакомы же были!

Старушка развела руками, не понимая, что происходит.

– Или знакомы? Но как? И когда?

Женщина отвязала поводок, отстегнула его от ошейника и передала мне.

– Иди, милая, на службу, не то опоздаешь. А за собаку не переживай, дом он хороший нашел. И с кормежкой не волнуйся, мне вполне по карману прокормить одного собачьего ребенка. Заходи навещать, он, я думаю, будет рад. И дочку приводи. Пусть играет со своим другом. И мне дитё в радость, на старости лет. Раз уж она у тебя так с собачкой нашла общий язык, знать хороший человек растёт. Буду рада такой внучке.

И потрепав на прощанье собаку за шею, погладив кошку, всё ещё восседавшую на ней, я зашагала на службу.

– Так, парни, Шон найден, определён в надежные руки. Ротному скажу, что пристроила, потому что не подходит для службы из-за страха к взрывам. Что, кстати, правда. Сегодня у нас по плану обучение Ирмы обыску местности, обучение Чака полосе препятствий, между этим всем закрепление команд послушания и полосы препятствий с остальными собаками. И, да, надо прибить доски на высоком барьере. Вчера кто-то его разнес. На такой пускать собак нельзя. К 10 часам чтобы этот вопрос был решен.

Поставив задачи своей команде, я пошла проверять собак. Как уже стало привычным, в компании со своей любимицей.

Ирма каждый раз устраивала мне на столько эмоциональную встречу, что со стороны могло показаться, что мы не виделись минимум месяц. Было трудно решить, кто из нас кого любит больше.

Она шла рядом со мной на обходе, и стоило кому из собак посмотреть на меня не добрым взглядом, как глухой рык и поднятая на загривке шерсть тут же умирляли агрессора.

Каждая веточка, каждая небольшая палочка поднимались собакой и навязчиво тыкались мне в руку.

– Солнышко моё, игры будут потом. Нам надо всех проверить и осмотреть, – объясняла я собаки, но та упорно настаивала на игре, заглядывая мне в глаза и мешая идти дальше. И через

несколько минут такого сопротивления я неизменно сдавалась и начинала кидать ей палочку. И тут же в локалке поднимался гул. Собаки тоже хотели играть.

– Вот видишь, что мы наделали. А им, между прочим, ещё до прогулки полтора часа. Это я тебя балую, и видимо, зря, – больше себя упрекая, чем собаку, я выговариваю и прекращаю игру. Минут на десять. И снова сдаюсь.

Сегодня обход мы прошли быстро и до построения оставалось ещё 40 минут. Я взяла Ирму и мы пошли на площадку.

Привязав собаку к собаковязи, я отошла на несколько шагов, подразнила её палочкой и пошла от укрытия к укрытию, пряча палку перед собой. Обойдя всю площадку, я вернулась к собаке и показала пустые руки.

– Всё, нет игрушки, не будем играть.

Собака занервничала и закрутилась на месте.

Я отстегнула поводок. Словно стрела, метнулась она к укрытиям.

– Ищи! Ищи! – подбадривала я её около каждого.

И вот в последнем она находит свою палочку, и весело бежит ко мне.

– Умница, девочка, – хвалю я её, отбираю палочку и снова иду к укрытиям.

Стоило мне вернуться и отстегнуть её, как хитрая собака сразу помчалась к последнему укрытию. И разочарованно уставилась на меня. Палочки там не было.

– Ко мне! – скомандовала я и, похвалив, подбежавшую собаку, скомандовала, – ищи!

На секунду Ирма задержала на мне взгляд, словно переспрашивая и пытаюсь понять меня.

– Ищи! – сделала я вид, что кидаю палочку в сторону первого укрытия.

И собака тут же сорвалась с места, и в правильной последовательности промчалась по укрытиям.

Радостная, с палочкой в зубах, она вернулась ко мне.

– Отлично, милая! И как тебе нравится наша новая игра? – спросила я собаку, пристёгивая к собаковязи.

Та с готовностью уселась и терпеливо ждала команды.

Сорок минут пролетели незаметно и я чуть не опоздала на построение. Решив, что лучше явиться во время с собакой, чем опоздать, отводя её в вольер, я взяла её с собой.

– Рядовая Петрова!

– Я!

– Мне нравится ваша инициатива. Действительно, почему это кинологическая рота на построении без своих четырехлапых напарников. С завтрашнего дня на утреннем построении вся рота с собаками.

Недовольный гул прошел по роте.

– Отставить разговорчики, – замкомбата строго окрикнул наш строй.

Да, ротный за это по голове точно не погладит. А с другой стороны, ну и что тут такого? Общее послушание у нас у всех собак на отлично. А то, что теперь их будут выводить раньше, так это только на пользу и животным и солдатам. Меньше придется убирать вольеры. Это ж надо было придумать, чтобы собаки с вечернего построения и почти до обеда сидели взаперти! А потом часть времени занятий приходилось тратить на чистку вольеров и отмывание. Да ещё и получать нагоняй за вонь. А чего не вонять-то? Доска некрашенная быстро запахла, хоть потом заотмывайся. А теперь вот отлично, придется собак до утреннего построения нагуливать. Чтобы на плацу кучи не навалили.

Ну а то, что весь состав роты на меня за это волком смотреть будет, так к тому не привыкать. А кознь какую устроят, так у нас давно полевых тренировок с полной выкладкой не было. Особенно ночных. Надо бы им напомнить.

Довольно ухмыльнувшись, я погладила собаку.

На удивление, нововведение не вызвало той реакции, что я ожидала. Наоборот, и солдатам и ротному пришлось по душе подобная перестановка в расписании. Зато мне, как оказалось, совсем даже нет. Потому, что вместо спокойного обхода и тренировок Ирмы, я теперь должна была контролировать выгул этих 120 пар. Солдат плюс собака. И занятие это, скажу вам, трагедийно-комедийное.

– Смирнов, дерево! – успела я крикнуть, но парень не успел отреагировать. И врезавшись в березу со всего размаха, плавно сполз к корням. Тут же став примотанным к этой самой березе поводком своей собаки!

– Солдат Смирнов, вы пробовали не закрывать глаза, гуляя с собакой? – я отматывала горемыку от дерева.

– Ни как нет! Утро ведь. Спать хочется. Глаза сами закрываются.

– А другим почему не хочется? Вы что, ночью не спали?

– Спал.

– Плохо спали?

– Хорошо спал.

– Наталья Викторовна, не вникайте! Смирнов спит круглые сутки. Он умудрился на стрельбах вчера на автомате уснуть, – смеётся рядом его сослуживец.

Пока отматывала этого от дерева, другой умудрился запутаться в поводке своей собаки на ходу, и шлёпнулся лицом в лужу. Единственную, кстати, лужу.

Но там вмешался его взводный. И в наказание заставил вычерпать лужу руками и засыпать землей. Чтобы больше туда никто не нырнул. Не стала защищать. Авторитет взводного надо поддерживать. Иначе он с ними не справится.

Стоило солдату зачерпнуть грязь из лужи, как трое ближайших псов заинтересовались его деятельностью и стали с азартом раскапывать лужу. Их солдаты никак не могли растащить их в стороны, молча натягивая поводки.

– У вас язык есть? Вы что, команды забыли? – рявкнула я на них и тут же, не дожидаясь команд от своих хозяев, собаки бросили своё грязное дело и уселись рядом со своими жопами.

– Это что ж, ваши собаки – умнее вас? – засмеялся кто-то за моей спиной. И тут же получил подножку поводком от собаки рядом.

Выгул собак явно шел не по плану. Такие собранные и активные в обед, утром солдаты просто засыпали на ходу или совсем переставали соображать. Надо было срочно придумать, как это исправить. Чем разбудить их до того, как они возьмут на поводок собак. Ладно, задам этот вопрос своей команде. Они в этом точно лучше меня соображают.

С горем пополам, грязные и взъерошенные, мы явились на построение. К чести сказать, маршировать строем с собаками у нас получилось не просто хорошо, а замечательно! Толи солдаты успели проснуться, толи собаки умели ходить строем лучше солдат, но наша колонна произвела настоящий фурор на плацу. Даже на меня. Впервые весь состав шел со своими собаками одновременно. Обычно я тренировала повзводно. И то не всегда было гладко. То ритм сбьют, то собаки сцепятся. А тут, прямо гладко и слажено всей ротой. Это вам не шутки: 120 солдат и каждый с собакой на поводке.

– Ну, что, Петрова? Порадовала ты меня сегодня. И удивила. Когда увидел в каком состоянии ты их на ротный плац привела, задушить хотел своими руками. Но как вы ладно прошли до общего построения и на нем, такого я не ожидал. Да что я, всё командование в шоке. Что вы по уши в грязи, никто и не заметил. Молодцы! Орлы! Так и быть, сегодня объяви всем дополнительный час отдыха. Вместо твоей теории. Но это солдатам. А вы со своей командой отдыхать после соревнований будете. И если там меня так удивите, каждому дам внеочередной отпуск.

О, такое обещание дорогого стоило! Мои сержанты за дополнительный отпуск землю есть без соли готовы.

– Ребята, у меня для вас есть сюрприз. Два. И оба – приятных. Первый: ротный пообещал дополнительный внеочередной отпуск каждому из вас, если мы удивим его на соревнованиях!

– Ура! Ура! Ура!

Энтузиазм в команде явно повысился.

– А второй сюрприз мы сейчас вам покажем с Ирмой.

Я усадила собаку мордой к себе. Дала палочку Дмитрию.

– Я закрываю собаке морду, а ты прячешь палку в пятом схроне, – махнула я в сторону укрытий.

Парень быстро сделал, что велено.

– Смотрите. Ирма, ищи!

Я отпустила собаку и та мгновенно помчалась ровным зигзагом обыскивать схроны.

И уже через пару минут уселась передо мной, держа в зубах палочку.

– Вы, что, ночевали здесь и всю ночь её учили?

Лица парней выражали удивление на грани шока. Этому приему обычно обучают собак месяц-два.

Я довольно улыбалась, оглаживая свою любимицу.

– Вот тебе и «профнепригодная», – присвистнул Стас.

– А теперь Стас, бери палку, и когда я дам команду беги к схронам. На первых шагах я закрою Ирме глаза и ты спрячешься в последнем укрытии. Понял?

– Так точно! – парень с готовностью встал на исходную.

Трюк шикарно удался. Собака четко шла, обыскивая всё укрытия.

– Наталья Викторовна, так не получится! – смех Стаса доносился из схрона.

Мы помчались туда.

Ветеринар перекачивался с боку на бок, уворачиваясь от собаки. А та, стоя на его груди передними лапами во всю старалась вылизать его лицо, радуясь и ласкаясь.

– Да... Над задержанием ещё придется поработать... Ко мне, Ирма! Ко мне!

Глава 6

Итак, план обучения Ирмы обыску местности был выполнен досрочно. Оставалось научить не зализывать фигуранта, а облаивать и удерживать. Но над этим подумаем позже.

А пока, отправив Ирму отдыхать в её вольере, мы вывели Чака и Герду. Стоило Чаку унюхать течную самку, как он всеми силами потянул Стаса к ней. Пришлось хватать и мне поводок, и вдвоём удерживать его, не давая подойти ближе. Абсолютно глух ко всем нашим командам и ругани, пёс видел только свою мечту. А та, зараза, ещё и призывно виляла хвостом.

– Давай на полосу препятствий. Начинаем с бревна, потом низкие барьеры, – скомандовала я и мы начали движение в сторону полосы препятствий. Задумка была, как раз в том, что пока мы туда дойдем, Чак вообще перестанет замечать, где он и что он.

Но со стороны наблюдать за нашей кавалькадой было очень забавно. Дмитрий с Гердой вышагивают впереди, как не в чем не бывало. Герда то и дело бросает через плечо призывные взгляды на Чака. Тот, в пробуксовке, запыхавшись и вывалив язык, тянет нас двоих на натянутых в стороны поводках. Мы почти лежим назад, чтобы удержать этого бугая. Он и так не маленький, но сейчас будто утроил силы.

Подходим к бревну перекинутому через канаву. Герда, не замедляясь, словно балерина, проходит по снаряду. Чак... Он даже не понял, что под ним не земля. Вижу цель – не вижу преград!

Герда легко перемахнула низкий барьер. Чак на секунду замешкался и... прыгнул! Следующие три барьера он уже преодолевал не задумываясь.

– Идем к вышке, – крикнула я Стасу. Вышка – сооружение, похожее на детскую горку, но с двумя лестницами.

Герда легко потрусила вверх. Пёс заскулил и пошёл следом. Это же надо какая любовь:)))

Спустившись с вышки, не дожидаясь моего приказа, Стас отпустил Герду на длинный поводок и пустил на глухой барьер! Два метра высотой. Самое сложное для собак препятствие. Обычно мы наращиваем высоту по доске постепенно. И в моих планах не было пускать Чака на это препятствие сегодня. Пусть сначала к маленьким привыкнет.

Но, увидев, что объект вожделения рванул на эту стену и исчез, Чак рванул следом. Мы с трудом удержались на ногах.

Пёс несся на преграду. Он хотел оббежать, но поводки не позволяли.

– Бросай поводок! – только успела крикнуть я Стасу.

Собака оттолкнулась и схватилась передними лапами за край барьера. В ту же минуту мы со Стасом, столкнувшись больно головами, подставили под задние лапы руки. Ещё немного...

Пёс перевалился через преграду и благополучно спрыгнул на землю, тут же рванув к Герде.

– Всё! Пусть будут щенки! Он заслужил, – Стас устало сполз на землю и уселся спиной к барьеру.

– Совсем с ума сошел! Какие щенки?! Бегом за собакой!

Я толкнула парня в плечо и помчалась к собакам.

И как раз во время успела.

Герда, такая кокетливая на расстоянии, стояла, завалив Шона на землю, оперевшись лапами на его грудь. Её глухое тихое рычание доносилось из пасти, прижатой к шее бедного влюблённого. Тот не смел даже шелохнуться.

– Ай-да, девочка! Ай-да, умница! – похвалила я собаку и схватила Чака за поводок.

– Всё, можешь отпускать, я держу, – сказала я собаке и та, словно понимая каждое слово, спокойно отошла от Чака. Тот ещё несколько секунд лежал неподвижно. Потом, не отрывая

от земли, повернул голову в сторону самки. И только убедившись, что она отошла на безопасное расстояние, медленно встал. Отряхнулся. И уселся у моих ног.

– Ну, парень, так бывает! Не всякая любовь – взаимная, – потрепала я, тяжело вздохнув, собаку.

– Стас, бери своего напарника и давай попробуем повторить всю полосу, кроме глухого барьера.

– Да не пойдёт он! Смотрите, в каком состоянии. Дайте ему в себя прийти, – заступился за пса Стас.

– Вот в том и весь смысл, закрепить пройденное, пока в себя не пришел. Пошли.

И действительно, Чак идеально прошел полосу препятствий. Страх совсем исчез и пёс послушно, словно совсем не замечая, пролетал один за другим всё снаряды. Трюк удался.

А самое интересное, что теперь Чак совершенно спокойно проходил мимо течных самок и даже голову не поворачивал в их сторону. Это не помешало позднее, через год, получить от него отличное потомство. Но без разрешения он даже не принюхивался. Такой урок ему преподала Герда.

Глава 7

До соревнований оставалось два месяца. Всё необходимое все наши собаки уже усвоили и выполняли на отлично. Кроме задержания у Ирмы.

Парни просто катались от смеха каждый раз, когда она атаковала фигуранта. А мне было не до смеха. Слишком многое поставлено на карту.

Она легко освоила минно-розыскную службу, отлично брала след в следовой работе, выше всяких похвал было послушание и обыск местности. Ей было абсолютно без разницы какой запах искать: нарушителя, взрывчатки, наркотиков, потерявшегося ребенка. Что даст хозяйка понюхать, как палочку, то и ищем. И обозначала теперь красиво и спокойно усаживаясь рядом. Особенно весело далось нам обучение поисково-спасательной работе. Замучив в роте всех солдат, мы «пошли в люди». И вся окрестная детвора с восторгом «играла с собакой в прятки». А заодно разучили целую кучу цирковых трюков. Дети придумывали, что именно должна сделать собака, чтобы они кинули палочку. К моему великому удивлению, она их понимала намного лучше, чем меня и угадывала их задумки.

Вот она сидит смиренно и держит на носу кубик. Вот кружится, под детский смех, словно юла, за собственным хвостом. Вот ползет задом наперёд. Они обучили её лаять разной громкостью и скулить в разных тональностях, изображая пение. Колёса от старой коляски с досточкою на основании стали тележкой, которую Ирма радостно катала по всему поселку, а очередь ребят на подобные катания достигала иногда двадцати человек.

Одна девочка увлеклась шитьем для Ирмы смешных нарядов. И вот уже собака щеголяет, то в юбке и шапке, как Красная Шапочка, в зубах таская корзинку, то изображает пони под попойкой с бахромой.

– Наталья Викторовна, это что тут за цирк? Это вы так к соревнованиям готовитесь?

Громовой голос ротного заставил меня подпрыгнуть от неожиданности. Он застал как раз тот момент, когда дети учили свою «красную шапочку» собирать шишки в корзинку.

– Так я ж в свободное от службы время, – словно школьница, которую поймали за курением, я не знала куда деть глаза.

– Собаку загоняете, выдохнется.

– Ни как нет! Наоборот, нарабатываю выносливость!

– А как подготовка к соревнованиям?

– Всё готово. Нарбатываем технику и скорость.

– Ну ладно, тогда. Развлекайтесь.

И командир пошёл дальше.

Я не стала сознаваться, что понятия не имею, как разозлить эту собаку. Мне казалось, что агрессию просто забыли вложить в её комплектацию. От слова совсем!

Даже охраняя меня, она от злости к радости и ласки переходила мгновенно. Стоило только ей понять, что мне ничего не угрожает.

А уж как она бежала на задержание! Это просто шедевр!

Именно так бегут собаки встречать своего хозяина после долгой разлуки да ещё и у которого огромный кусок сочного мяса в руках.

Радость, восторг, грация.

Агрессия? Атака? Нет, эти слова явно не подходили к этой собаке.

Вот она отталкивается, летит на рукав фигуранта. Хватка! Отличная, глубокая. 10 баллов из 10. Но что с собакой? Почему она вертит хвостом, как ненормальная?

Взмах стеклом! Перехват! Опять всё безупречно. Кроме собачей радости, слишком отчетливо проявляемой! Ей безумно нравится эта игра. И даже иногда, соскользнувший по неопытности фигуранта стек, явно больно стегнувший собаку, совсем не портит её настроение.

– Наталья Викторовна, эта собака вас полностью дискредитирует. Никто больше в части не поверит в вашу жестокость и жёсткость. Все же знают, что каков хозяин – такая и собака. Стас заходится хохотом, от очередной «атаки» Ирмы.

Но самое обидное и страшное, что мне никак не удаётся отучить её после команды «Фу!» кидаться ласкаться и облизывать лицо фигуранта. Что мы только не придумывали! Даже однажды измазали бедного солдата смесью перца и настойки полыни горькой. Адовая смесь по вкусу, знаете ли. Ему пришлось неделю снимать вылезшую от этого на всём лице аллергию, но никак не повлияло на желание собаки умыть своих жертв.

Два месяца – срок большой. Есть надежда ещё придумать решение этой проблемы. А пока мы пойдем искупаться в пруду. Ирма обожала плавать. И никогда не пропускала ни одной лужи. А уж пруд был её любимым местом развлечений.

Мы проходим по берегу. Я поднимаю камушек и бросаю его как можно дальше от берега. Это вместо разрешения. Она всё равно, когда прыгнет в воду, забудет сразу про камень и будет плавать в своё удовольствие.

Собака тут же метнулась к своему любимому обрыву и сиганула в воду. Обожаю её прыжки! Какой полет! Какая грация! Минут пять она кружит, наслаждаясь купанием. Пора позвать. Ветер сегодня холодный. Долго плавать не стоит.

По команде Ирма плывет ко мне. Выходит на берег. Хромая. Сильно хромая! Я подбегаю. Алая полоса от воды тянется за собакой. Задняя лапа почти до кости оголена огромным разрезом. Бутылка! Битая бутылка! И похоже, собака надела её на лапу, выходя из воды.

Потеря крови огромная. Я поводком перетягиваю лапу, подхватываю на руки собаку и бегу к части.

Держись, подружка! Умоляю, держись!

Вы когданибудь бегали с ношей, чуть меньше вашего веса? Без подготовки. Но когда у тебя на руках твой любимец и он может умереть, неизвестно откуда берутся силы. Вот и я не знаю! Стоило мне попасть в зону видимости нашего КПП, ко мне на встречу выскочили два солдата. Соорудив носилки из одного кителя и положив туда собаку, мы помчались в ветеринарный пункт. Ещё один солдат помчался искать Стаса.

Но нам повезло – Стас был на месте.

Никогда не позволяющий при мне нецензурных слов, тут он не смог оставить их поток.

– Обезболить нечем. А шить надо. Держите её голову!

Скомандовал он мне, а я, расшвыряв в стороны солдат, просто легла на её голову и начала шептать ей, чтобы держалась.

Толи сил уже у нее не было от кровопотери, толи такая мне досталась чудо-собака, но лежала она тихо, не скуля, не вырываясь, только иногда пыталась слизнуть мою слезу.

– Всё! Жить будет, – Стас устало опустился на стул, – но останется хромой на всю жизнь. Сухожилия перерезаны полностью. Я собрал, как помнил из анатомии, но ничего гарантировать не могу. Ей теперь месяцев пять на лапу вставать нельзя.

– А соревнования?... – до меня стал доходить весь ужас ситуации.

Если она не будет участвовать в соревнованиях, её отправят с тем солдатом, с которым она прибыла. Командир – человек хороший, но нарушить слово, которое дал при всей роте, не посмеет. Даже из сострадания и даже из-за моих слез. Ибо это репутация и порядок в части.

– Стас, у тебя спирт есть?

Тот удивленно уставился на меня.

– Или водка.

– Наталья Викторовна, не надо! Мы обязательно придумаем что-нибудь! В конце концов, она ведь и «сбежать» от вас может. И потеряться.

– Стас, а ты знаешь, почему я пошла сюда служить?

– Нет.

– Потому что очень хотела собаку. До боли. До крика. Только живу я с мужем в офицерском общежитии. И там даже рыбок или хомяка заводить запрещено.

Парень сочувственно вздохнул.

– Всё равно! Не раскисайте! До соревнований ещё два месяца. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Главное сейчас просто спасти собаке лапу.

Самое сложное в лечении Ирмы было обеспечить покой лапе. Собака искренне не понимала, почему прекратились игры с палочкой. Стоило выйти с ней из вольера, как собака подхватывала любую веточку, клала её передо мной и преданно глядя в глаза, начинала выполнять все трюки которые знает. И ложилась, и садилась, и изображала пение, и вертелась за своим хвостом. В общем, перебирала всё что умеет и заглядывала в глаза: «ну, давай, кидай палочку! Я же заслужила!». И никакие уговоры перестать вертеться, а просто сходить в туалет и вернуться в вольер, не помогали. Собака хотела играть! Именно так она воспринимала дрессировку. Кажется, она даже считала, что это она нас дрессирует кидать ей палочку, а не мы её. И сейчас, с её точки зрения, я ни как не хотела слушаться.

Подвязанная к туловищу задняя лапа совсем не смущала собаку. А мне было до слёз жалко игнорировать её призывы. Но надо было спасать лапу.

Неделя тянулась сплошным кошмаром. Я как могла, придумывала для Ирмы развлечения в позиции «лёжа»: раздобыла огромную говяжью кость. Это заняло собаку на пол дня.

Прodelала в детских пластиковых кубиках отверстия, заложила туда разные образцы запахов и играли, угадай где. В качестве награды обнималась с ней, завалившись рядом. Но она всё равно тосковала по своим палочкам.

Я заставила солдат подобрать все веточки внутри локалки. Собака стала просто вырывать высокие травинки и класть их передо мной. Пришлось и траву всю подстричь.

И вот, всего неделю после травмы, происходит ЧП! Кто-то из офицеров части решил показать своему ребенку собачек и привел к локалкам. Как на зло, именно в этот момент я выходила из вольера с Ирмой. Не ожидая подвоха, я не сильно контролировала поводок.

И собака, увидев вдали ребенка, бросилась к нему. На трёх лапах! Бегом! Собака, которой ещё нельзя было даже ходить! Бежала!

Уж не знаю, что в этой огромной овчарке особенного, но даже те, кто боятся собак, совсем не пугаются её. Может быть её ужасная худоба, делающая её плоской, как рыбка. Может быть, виляющий добродушно хвост. А однажды, одна пятилетняя девочка мне сказала: «Просто она добрая и улыбается». Нет, не оскал, а именно какая-то своеобразная улыбка и бесконечно добрые глаза, мгновенно завоёвывали сердца.

Вот и сейчас, ребенок, с криками: «Собачка!» побежал к ней на встречу. Сетчатое ограждение между ними приняло на себя прыжок собаки. А я мысленно закричала: НЕТ!!! Понимая, всю катастрофу этого прыжка для больной лапы. Собака взвизгнула, но продолжила ластиться к ребенку через сетку.

– Не волнуйтесь, девушка, мой сын не боится собак. Да и она у вас, вон, какая добрая! – крикнул мужчина, видя как я бегу следом за собакой.

Да причём тут ребёнок?! Я всегда запираю локалку на дополнительные замки, заходя сюда для занятий с собаками. Меня волновала лапа.

Подбежав, я увидела, что вся повязка полностью пропиталась кровью. Швы явно не выдержали такой нагрузки. Краем глаза я заметила, что Стас уже бежит в нашу сторону.

– Дело не в ребенке, товарищ майор! Собака ранена, ей необходим покой.

Я взяла Ирму за поводок и попробовала оттянуть от сетки. Та упрямо завалилась на нее. Ребёнок, просунув ручки, сквозь решетку, гладил собаку.

– Ладно. Ровно пока не подойдет ветврач, – я кивнула в сторону, бегущего к нам Стаса.

– Может тогда запустите нас?

– Нет. Тогда она совсем перестанет слушаться меня и будет играть с вашим сыном. А ей пока нельзя даже ходить. Вот заживет лапа и приходите. Хотя, я не уверена, что это тут допустимо.

Через несколько минут мы уже делали перевязку. Швы не разошлись, но сильно кровоточили. Стас на руках отнес Ирму в вольер.

– Наталья Викторовна, это, конечно, грустно для собаки, но крайне необходимо. Давайте две недели вообще не выпускать её из вольера. Уберем лишний раз за ней, но лапа так будет иметь больше шансов нормально срастись.

– Ты – ветврач. Как скажешь – так и будет. Я могу и теорию здесь вести. Чтобы ей не скучно было. И на свежем воздухе. Погода позволяет.

– Вот и отлично! И спать меньше на занятиях будут. Но выводить её нельзя. По хорошему, вообще, следить, чтобы не вставала лишний раз, хотя бы, неделю.

– Так давай тогда к тебе её в лазарет.

– Не получится. Вчера в четвертой локалке у новоприбывшего пса лишай обнаружил. Карантин у меня теперь. И на долго.

– Ладно. Тогда дежурного к ней выставим, – предложила я.

– Ну и кому вы доверите свою любимицу? – усмехнулся тот.

И верно. После побега Шона на вольере Ирмы появился огромный навесной замок. Я притащила его и кусок цепи и лично соорудила дополнительный запор. Ключ от замка был только у меня, у Стаса и у Дмитрия. Да и то, на всякий случай. В мои выходные Стас лично выгуливал собаку, не доверяя никому. Через полгода у него дембель. А следом и у всей моей команды. Надо будет искать новых доверенных лиц.

Пока Ирма выбыла из вечерних прогулок после службы, я стала каждый день проводить Шона.

Пёс изменился до неузнаваемости. Добрый, ласковый, он опекал хозяйскую кошку, сопровождал хозяйку на колонку за водой и помогал тянуть в горку тележку с бидоном с водой. Нет, она не запрягала его. Он сам отобрал у нее веревку, привязанную к тележке и потащил рядом. Из сарая он давно уже перебрался жить в её домик. И всегда спал днем на крыльце, охраняя вход.

Мы с ним выучили несколько общих команд, чтобы им было проще понимать друг друга, и я приделала палку к веревке от тележки, чтобы он мог вести её за собой, а не с боку. также было забавно наблюдать, как эти двое возвращались с рынка. Пёс, гордо задрал голову, нес в зубах корзину, нагруженную всякими продуктами. А бабуличка рядом семенила с авоськой, в которой была только банка молока.

– Не ошиблась я в нем! Настоящий помощник! Прямо, мужчина в доме! – восхищалась им женщина.

Местные дети каждый вечер ждали меня у ворот части. Все очень переживали за Ирму и скучали по совместным играм.

Лапа заживала медленно, но не вызвала осложнений.

– Наталья Викторовна! Вас к командиру роты, – солдатик крикнул мне и убежал обратно. Я только закончила осмотр очередной собаки.

Мы со Стасом переглянулись. Странно. Я не могла припомнить, когда меня последний раз вызывали. В голове попробовала прокрутить последние дни. Нет, вроде никаких происшествий не было. Синяк у рядового, который споткнулся о собаку на занятиях и ударился о барьер, врятли мог быть тому причиной. Как и внеплановое вечернее занятие на плацу для всей роты, из-за плохо убранных вольеров. Это вообще обычное дело.

Ладно. Что думать? Сейчас всё узнаю.

– Разрешите? По вашему приказанию...

– Да хватит горланить, заходи уже, – прервал меня на полуслове командир.

– Мне тут доложили, что у меня за спиной настоящий алмаз вырос. А я и не в курсе, – начал он, подозрительно довольно улыбаясь. Обычно такая улыбка ничего хорошего не сулила.

– Вы о чем?

– А я о том, что поедешь ты со своей подружкой и орлами детишек просвещать. Мне тут рассказали, какая она у тебя волшебная и деток любящая.

Я всё никак не могла взять в толк, о чем он и куда ехать. Командировки были моим ночным кошмаром и мне пока удавалось их избегать. И вообще, у меня ребёнок— дошкольник, не имеют права без моего согласия.

– Куда?

– Да тут не далеко. В местную школу. Открытый урок проводить.

Я облегченно вздохнула. Уф, а я-то уже приготовилась защищаться!

– Когда?

– А вот сразу, как твоя подружка примет нормальную для собаки позу на четырёх конечностях. Так сразу. А пока она там себе санаторий устроила, тебе задача: продумать программу выступлений. И выбрать ещё трёх собак и их вожатых, с кем и будете нашу часть представлять в подшефных школах и детских садах. И даже не думай спорить!

А я и не собиралась! Ирма обожает детей. От одного вида ребенка, она начинает, как тот шут в цирке, вытворять разные трюки. Вон сколько всего выучила, играя с детьми. Прирожденная нянька! Да и мне выйти за пределы части только в радость.

– Так точно! Есть – не спорить! Разрешите исполнять? – засмеялась я, отсалютовав командиру.

– Ох, ты, и стрекоза! – усмехнулся командир, – ступай!

Я вышла из кабинета, а в голове уже крутилось целое множество сценариев. Вопрос, кого из собак брать, не стоял: Герда и Чак обожали детей. Оставалось только придумать, как именно в небольшом помещении актового зала показать их служебные навыки.

– А что думать? Чак отлично определит кому какой портфель принадлежит. Ему, вообще, без разницы с какими запахами работать. Главное, перед этим плотно накормить. Чтобы бутерброды и сосиски не сильно соблазняли.

– А Герда может показать охрану того же рюкзака. А можно, даже ребенка. Вон, Стас изобразит преступника. Она на него после прививки, как раз, зуб имеет, – хохотнул Дима.

– Ну и отлично. Осталось только Ирме поправиться и начнем карьеру артистов, – заключила я и потрепала свою подопечную. Та, тут же довольно постучала хвостом по полу. После того случая с ребенком, мы все наши совещания проводили у нее в вольере. Просто усевшись по над стенками в кружок. Это позволяло больше времени проводить с ней и, в тоже время, больше времени заставлять её лежать.

– Стас, что скажешь?

Я нервно теребила рукав. Стас осматривал Ирму. До соревнований – три дня. Если мы их провалим, я потеряю собаку.

– Скажу, что дело дрянь. Все, конечно, уже срослось и швы не разорвутся, но связки ещё не набрали прочности. Она может остаться хромой на всю жизнь.

– Но ведь хромать она будет не от боли?

– Нет, просто связки могут больше окончательно не встать на место. Но это не будет причинять ей беспокойства. А с учетом её нрава, она это, скорее всего, даже не будет замечать. Но хромым собак со службы списывают. И нужно будет только чудо, чтобы уговорить ротного оставить хромую собаку на довольствии.

– Так она же сама – чудо! Когда ещё в нашей части были собаки с цирковыми трюками? Это ж какая гордость для части, что мы можем выезжать с показательными выступлениями! Должно сработать!

– Может быть, – вздохнула я. Выбора всё равно нет.

– Парни, нам надо любой ценой взять хоть какое-то место на соревнованиях! Я очень на вас надеюсь, – взмолилась я, с трудом контролируя тревогу.

– Постараемся. Всё, что в наших силах. Нам на руку играет то, что для наших собак площадка привычная. Но как быть с Ирмой? Её стиль задержания просто уложит всех присутствующих на лопатки. От смеха.

– А знаешь что? Я перечитал внимательно правила. Там нет ни слова о том, что собака должна быть агрессивной или злобной. Так что, просто, готовимся отстаивать своё право. Ей надо набрать максимум баллов на всём остальном. Потому что кроме задержания, у нее есть ещё одно уязвимое звено: ей нельзя прыгать глухой барьер. Во-первых: она попросту его не возьмет, во -вторых: это точно порвет её слабые связки. А значит, на всём остальном нужен максимальный балл.

И вот день настал. Кинологи с собаками из разных частей прибывали на нашу территорию, заполняя её дополнительным лаем. Слыша чужой лай, наши собаки в вольерах тоже устроили настоящий хор с оркестром, дребезжа сеткой и своими мисками. Какофонию слышно было даже в штабе, в километре от нас.

Исходное построение. Расходимся по позициям.

Первое испытание на послушание. Почти всё собаки набрали максимальный балл. Две прибывших собаки сняты с соревнования из-за грубых ошибок. В остальном, практически нос к носу всё участники.

Следующее испытание: минно – розыскная служба. Здесь баллы уже существенно отличаются, но мы берем максимально возможный.

На патрульно-постовой Герде срезают балл за скорость реакции.

На защитно-караульной Чак теряет два балла. Сорвал первый захват.

Но мы всё ещё в тройке лидеров.

Собаки – универсалы идут отдельно от всех и мы пока с Ирмой в зрителях.

И вот наступает наше время. И судья преподносит сюрприз: испытания будут проходить только по двум параметрам. Обыск местности с задержанием и полоса препятствий. Оба наших слабых места. Штирлиц, это провал!

Я кусаю губы от досады и обнимаю собаку. Шансы очень малы. Парни, в нарушение правил, поднимают шум, громко возмущаясь. Приходится на них прикрикнуть.

Нам достается номер 5. После нас будут ещё двое.

Первая пара отработала хорошо, но на задержании собака выпустила рукав. Сняты.

Вторая пара отработала на отлично. Но сняли баллы за скорость – собака явно с лишним весом и медленно делала обыск.

Третья пара завалила обыск – собака пропустила два схрона.

Четвертая пара проходит без замечаний. Максимальный балл. Я выхожу с Ирмой на исходную. Не подведи, милая!

Команда! Собака, соскучившись по работе молниеносно срывается с места. Идеально проходит схроны, толчок, полёт, хватка! Идеальное задержание! Теперь надо также идеально отозвать собаку. Только бы не бросилась облизывать фигуранта!

– Ко мне!

И собака, оттолкнувшись лапами от фигуранта, метнулась ко мне. Идеальный обход! Идеальная посадка! Ты ж моя умница!

Минус балл! Как? За что?

Но выяснить получится только после объявления итогов. Сейчас нельзя.

У нас в запасе только один бал. Если мы сейчас завалим полосу препятствий, это будет фиаско. Катастрофа.

Я усаживаюсь к собаке, оглаживаю и шепчу, какая она умница, как я её люблю. Объясняю, что нам очень очень нужна эта победа.

Стас пробивается к нам и ощупывает лапу. Встревоженное лицо постепенно расслабляется. «Обошлось», – шепчет он мне.

Полоса препятствий. У нас 7 номер. Мы будем последними.

На полосе препятствий выбыло из гонки сразу две собаки. Одна не пошла на вышку, вторая недопрыгнула глухой барьер.

Я понимала, что нас тоже снимут. Я не отправлю собаку на глухой барьер. Это провалит нас, но у команды будет всё равно достаточно баллов, чтобы взять, хотя бы третье место.

На удивление, всё собаки прошли полосу очень плохо. Что действительно было весьма странно. Ведь в узких службах на полосе все взяли максимум. А тут, такой завал.

И вот подошла наша очередь. Я выхожу на дистанцию с решением оборвать бег собаки сразу после бревна. Оно ей безопасно.

Отстёгиваю поводок. И...

Я даже не успела подать команду, как Ирма сорвалась с места и словно молния метнулась к полосе. Бум, барьер, ещё барьер, прыжок через канаву, вышка...

Кричать бесполезно! Трибуны ликуют. Гул слишком сильный. Она не услышит меня. Я, задыхаясь, пытаюсь бежать вслед собаки. Она идет в четко заученной последовательности.

Глухой барьер... Я зажмуриваю глаза. Гром аплодисментов и мокрый нос упирается в мою ладонь, останавливая меня на бегу.

Собака четко села напротив. Она заглядывает в глаза, неистово виляя хвостом.

В нарушение правил я присаживаюсь к ней и ощупываю лапу. Не одёргивает.

– Дура! Какая, ты, дура! – я шепчу собаке, пытаюсь безуспешно сдержать слёзы. Поднимаюсь и, не цепляя поводок, иду к своему месту.

Судьи долго совещаются. И поднимают таблички. Минус 1 бал. Трибуны поднимают шум.

Встаёт главный судья.

– Бал снят за то, что на дистанцию выпустили травмированное животное. Недопустимо рисковать своим напарником даже в угоду службы. Любой риск должен быть обоснован.

Он же не знает, что на кону не только лапа собаки, а её жизнь.

Нас отпускают на отдых. Судьи уходят на подсчет баллов.

Стас бросается к собаке и, не выдержав, орет на меня:

– Ты, блин, совсем что-ли бессердечная?! Ты зачем её на полосу пустила? Ты понимаешь, что она могла вообще себе шею свернуть на глухом барьере?!

Нервы сдают окончательно и я, упав на колени и обняв собаку за шею, начинаю рыдать. Собака вылизывает мне лицо, скулит, не понимая, что происходит с хозяйкой.

Стас ощупывает её лапу.

– Вставай и приводи себя в порядок! Слезами горю не поможешь, а мне надо нормально осмотреть собаку, – он почти силой отгаскивает её от меня. Мне стыдно. Стыдно за эти слёзы. Стыдно за отстёгнутый поводок. Стыдно за то, что я вообще вошла на эту полосу препятствий. Стыдно, что я не могу решить вопрос с жильём, куда спокойно могу привести собаку. Стыдно, что моя жизнь зависит от чужих приказов и желаний. И этот стыд острым калёным железом выжигает мои слёзы и мою слабость. Да что я за тряпка, раз не могу отстоять дорогое мне существо?! Как бы не прошли соревнования, я не позволю забрать у меня Ирму. А завтра я возьму отгул и пойду решать вопрос с жильем. В общежитии или в съемном сарае, но мне нужно жилище, где можно держать животных. И оно у меня будет! Любой ценой!

Я решительно встаю на ноги, вытираю рукавом лицо, подхожу к Стасу и пристёгиваю поводок ошейнику Ирмы.

– Как её лапа?

– На удивление, не жалуется. И не хромает. Вроде обошлось. Но надо будет посмотреть завтра.

– Вот и посмотришь. И сегодня несколько раз и завтра.

Судьи возвращаются. Сейчас объявят итоги. Но мне всё равно. Я потеряла интерес. При любом исходе, это – моя собака и если надо, хоть под трибунал, но я не отдам её.

Первое место – не мы. Второе место – опять мимо. Третье место...

– Третье место разделили сразу две команды, команда части» – » и команда части...

Мы! Мы на третьем месте! Мы это сделали! Парни сгребают меня в охапку. А у меня в душе как-будто лёд. Что-то отмерло. Пришло четкое холодное осознание того, что больше никогда я не буду рисковать своими любимыми в угоду чего бы то ни было. Надо было искать другой выход, други пути решения. Не стоил этот риск того. Надо было пробовать искать решение без риска для любимицы. И эта победа горечью давит на меня чувством вины. И, хотя, всё обошлось, это был хороший жестокий урок для меня на всю жизнь.

– Извини, командир, только третье место, – с холодом в голосе обратилась я к ротному, который вызвал меня в кабинет.

– Да я, вообще, думал, что вы вылетите ещё на первом этапе. Для роты, которая столько лет не могла даже выставить команду, вы сделали просто невозможное. Я ведь знал, что команду готовят минимум год. И то, при условии уже изначально обученных собак и инструкторов.

Я с трудом сдерживала бешенство. Как я ненавидела в этот момент его! И себя! Какая же наивная и беззащитная я была дура!

– Ладно, ладно, не психуй! Проси, что хочешь. Отпуск? Повышение?

– Берите листок и ручку! Пишите, что собака Ирма, клеймо номер такой-то, принадлежит рядовой и находится на территории части, как личное имущество.

– Мать, а тебя не сильно заносит?

– Пишите. Или я сейчас же пойду в штаб и напишу заявление по собственному.

– Даже так?

– Именно! Собака уже в безопасном месте. По бумагам напишу объяснительную, что сбежала во время полевых занятий. Дело обычное. Максимум, выговор. А после сегодняшней победы, и его не дадут. Проверим?

– А ты с зубами..., – командир взял листок и ручку.

Я проверила текст.

– Подходит. Завизируйте печатью и подписью. Отлично. И второй экземпляр для штаба.

– А ты подготовилась, – усмехнулся он и написал второй экземпляр.

– Отлично. Для парней вы обещали дополнительный отпуск. Они не хотят его. Попросят поставить перед дембелем. Просто чтобы уехали домой раньше.

– Ишь, какие! Орлы, как есть орлы! Будет по вашему. Ещё что?

– Разрешите идти?

– Ступай. И спасибо за щедрый подарок! Угодила, дочка, – почти шепотом сказал он мне вслед.

– Я в штаб, – уже почти закрыв дверь, бросила я.

Руки дрожали. Я сама не верила своей наглости. В руках у меня была практически «вольная». Теперь Ирма официально моя.

Глава 8

Две недели после соревнований пролетели спокойно и беззаботно. Напряжение, в котором мы были эти месяцы, наконец, спало и можно было выдохнуть. Ротный как будто забыл о нашем существовании и мы спокойно и лениво вернулись к обычным служебным будням. Построения, лекции, конспекты, занятия, осмотр собак...

Жизнь наладилась. Я почти каждый день после службы гуляла с Ирмой в поселке, собирая большие компании местных детишек. Ирма так и не признавала никаких наград, кроме игры с палочкой и, на радость детям, могла часами гоняться с ними в играх и шалостях.

Я познакомилась с Шоном и теперь могла забирать обеих собак одновременно, наслаждаясь ещё и их совместными играми.

Собаки отлично ладили и между собой и с детьми.

Лапа полностью зажила и опасения, что собака останется хромой забылись, как ночной кошмар.

После недолгих уговоров, муж согласился написать рапорт командиру своей части о прощении разрешить содержать в общежитии собаку. С подписями всех жильцов общежития. На удивление, нас поддержали все. Но пока мы ждали ответа, я решила проверять объявления о сдаче квартир в посёлке. Увы, все были с пометкой «строго без животных».

– Наталья Викторовна, вас к ротному, – солдатик выловил меня за написанием конспекта в вольере у Ирмы. Привычка проводить всё свободное время в её вольере крепко укоренилась с времен раны.

После того случая в кабинете, я перестала совсем бояться таких вот вызовов. Не спеша закрыв собаку, я побрела в казарму.

– Проходите, Наталья Викторовна, – командир ждал меня в коридоре.

– Помните, я ставил вам задачу подготовить показательные выступления для школы. Ну как, готовы?

Я пожала плечами:

– Готовы.

– Тогда, в пятницу в нашей школе в 12 часов в актовом зале. Минут на 30. Добираться пешком, тут идти минут 15. Детей не кусать, учителей не пугать. Задача ясна?

– Так точно. Пойдут рядовой Смирнов, сержанты Синецын и Погодин.

– Устраивает. Действуйте.

Я вышла из кабинета и пошла искать своих ребят.

В школе нас встретили очень тепло. Каждое движение собаки вызывало шквал восторженных возгласов. Собаки немного нервничали первые несколько минут, но поставленные перед ними миски с котлетами, мгновенно сняли напряжение.

Отказаться от угощений не было никакой возможности. Кроме того, после выступления нас ждал маленький, но самый настоящий банкет. «Вы же из-за нас обед пропустили! А мы готовились!» – заявила директор школы. Пришлось согласиться. К тому же, я не могла лишиться этого моих сослуживцев, давно ничего не евших, кроме солдатской, не столь разнообразной, кухни. Да и в часть нам разрешено было вернуться к вечернему построению, так что мы не спешили.

Как и было ожидаемо, Ирма завоевала все сердца. Безоговорочно и бесповоротно.

Даже строгая и хмурая повариха, то и дело, бросала на собаку скупую, скрываемую от остальных, улыбку. И само собой, принесла ей лично целый тазик котлет, омлета, запеканки. «Дети, вот, недоели. Заелись совсем. Хорошо, хоть, я не выбросила. Это всё свежее, сегодняшнее.» – для убедительности она лично откусила котлету.

Собаки с удовольствием налегали на трапезу. И мы тоже.

Погоуляв ещё немного после школы по посёлку, болтая по душам, к вечеру мы вернулись в часть. Премьера прошла успешно!

– Грамотой за особые заслуги награждается

Через три дня на общем построении нас всех четверых ждал приятный сюрприз. Грамоты и дополнительные отгулы.

А ещё через неделю нас отправили повторить это в подшефном детском саду.

Теперь раз в месяц мы проводили подобные выступления в школе и в детском саду. Придумывая, как это разнообразить. Но, как оказалось, дети любят стабильность. И постоянство. И всё, что мы не показали, нас просили показать после выступления. Поэтому, уже после третьего визита, мы решили не выдумывать ничего нового.

Незаметно подкралось время дембеля моих сержантов. Невыносимо грустно было прощаться. Мы стали настоящей дружной командой, почти семьёй.

Новое молодое пополнение пришло на их место. Им ещё только предстояло узнать, что такое служба, научиться работать в команде с четырёхлапым напарником.

Рапорт о разрешении содержать в общежитии собаки командование мужа не поддержало. Ссылаясь, что в комнатах после нас могут оказаться люди с аллергией на животных. Но жизнь собаки у меня в части меня вполне устраивала и я забыла полностью об этом вопросе.

И вдруг всё это рухнуло...

Глава 9

– Стас, что за кипишь в нашем королевстве? Опять какая комиссия с проверкой?

Я практически в полёте поймала за шиворот пробегающего мимо ветеринара.

– Ой, хуже, Наталья Викторовна! Намного хуже. Ротный наш сдаёт дела и должность и уходит от нас. А на его место молодой летёха, только из училища встаёт. Жлоб высокомерный. Он нашего уже до ручки несколько раз доводил. Боимся, чтобы не сцепились. Молодому-то что будет, а нашего ещё и разжаловать могут за рукоприкладство.

– А наш почему уходит? Куда?

– Вся часть в курсе и одни вы в облаках витаете. Там его жена со штабной какой-то поссорилась. А у штабной связи. Вот она жене нашего и устроила ссылку на севера далёкие. А ротный, вместо того, чтобы заставить жену извиниться, рапорт подал на перевод в ту же часть, куда и её. А между тем все говорят, что его жена была не права. Да и вообще, вздорная она баба. Как он с ней живет только! Всё, мне бежать надо, перепись лекарств требует новое начальство к обеду предоставить. А как я до обеда успею? Эх!

И он помчался дальше.

– Фёдор Иванович, разрешите войти?

Я постучалась в открытую дверь кабинета, видя, что мой командир стоит, оперевшись руками на подоконник.

– Заходи, Натальюшка, заходи. Да дверь прикрой.

Он ответил, не оборачиваясь. Продолжая всматриваться в нашу территорию. Там, за окном, находился плац, за ним – дрессировочная площадка, за ней локалки с вольерами. И всё это окружал лес.

– Ну что, дочка, прощаться будем. Отдаю вас с тяжелым сердцем. Молодой он, горячий, амбициозный. Дури-то в голове много, а вот разума пока не прибыло. Тяжко вам будет. Ты бы Ирму спрятала куда. Уж больно уязвима ты через эту собаку. А он об этом уже прознал. Солдат – человек маленький, подневольный. Пригрози ему командир, он мать родную выдаст. Так что, дочка, держи ухо востро, не давай себя в обиду.

– А почему вы нас бросаете? Разве нельзя было конфликт решить? Ведь жена же ваша не права.

Он резко обернулся и обвел меня взглядом.

– Запомни, Наталья, вот есть у тебя родные люди и друзья. Любишь их, не глядя на их недостатки. И если оступится кто из них, и отвернется от них весь мир, и начнет нападать, а они отстреливаться. Вот тогда повернись к любимым спиной. Прижмись к их спине. И подавай патроны! Пусть не правы они, но им нужна твоя поддержка, твоя любовь. Особенно, когда оступились. А заставлять признать вину, извиниться, так растопчешь их ещё больше. И нет тогда смысла ни в такой любви, ни в такой преданности. Вот, если Ирма твоя укусит кого в собственной защите, разве будешь ты её наказывать? Или любить меньше? Или откажешься от нее?

Много лет потом я буду помнить эти слова. И будут они для меня девизом в жизни. И в отношении близких людей, и в отношении моих животных. А пока, я стою и смотрю на этого большого, крупного мужчину, защищающего такой дорогой ценой свою непутёвую жену, и мне хочется обнять его и никуда не отпускать.

– А как же мы? – почти шепотом срывается всё-таки с моих губ.

– Хороший муж не может быть хорошим человеком. Я должен защитить её, быть с ней. Даже, если для этого придется бросить вас.

Как же повезло этой женщине! За всю жизнь мне не довелось больше встретить «хорошего мужа». Даже в самых любящих семьях, известных мне, мужья всегда ставили рабочие

и общественные интересы превыше своих жен и своей семьи. Сколько раз я повторяла эту фразу своему мужу. Но так и не смогла донести до него этот смысл.

– А ещё, дочка, запомни. При штабе есть наш замкомбата. Ты его видела много раз и на построениях и на совещаниях. Он тебя знает, а ты его только видеть видела. Так вот. У него лежит для тебя готовый рапорт на перевод. Если совсем не сойдётся характерами с новым командованием. В конфликт не лезь, силы не равные. Иди сразу к замкомбата Ивану Ивановичу, он объяснит, что делать. А теперь, ступай. Даст Бог, свидимся когда ещё.

Я не выдержала и бросилась к нему на шею. Что-то внутри подсказывало, что прощаемся мы навсегда и, что закрывается эта глава моей жизни, а впереди что – совсем не ясно.

Глава 10

– Рядовая Петрова, выйти из строя!

Молодой лейтенант обходил наше построение. Ухмылка и высокомерный взгляд. Да такой, что вцепиться в это самое лицо хочется когтями, как дикая кошка. Что-то есть в нем не просто холодное и неприятное. Опасное.

Слизкий, грязный взгляд окатил меня с головы до ног и обратно. Так глазами меня не раздевали даже самые дерзкие призывники с бушующими гормонами.

– С этого момента довожу до вашего сведения, что любое передвижение по части вы обязаны согласовывать со мной. Вам запрещено самовольно определять виды занятий и практик. А также давать любые распоряжения солдатам и сержантам. Ваше новое расписание получите у меня лично в кабинете под роспись после построения. Встать в строй.

Я вообще не могла понять, что сейчас он сказал. Как я могу преподавать что либо, если не смею отдавать распоряжения?

Что значит «согласовывать любые передвижения»? Ведь почти каждый день возникают экстренные ситуации, когда нет даже секунды на размышления. Не то чтобы найти, где он и спросить разрешения действовать. «Определять виды занятий и практик» – это, вообще-то, прямая моя служебная обязанность. По моим методичкам и расписанием работают почти все кинологические подразделения округа и не только. Что это, вообще, сейчас было? Да ещё и вот так, перед общим строем? Ладно, без паники. Узнаем «в кабинете после построения».

– Разрешите войти?

– А, пришла, значит? Ну, входи. И дверь закрой.

Он сидел за столом ротного и ковырял ручкой в зубах.

– Ну, что, девочка, понравились тебе новые правила?

– Товарищ лейтенант, можно ли ближе к уставу.

– А ты дерзкая. Меня предупреждали. Ну, ничего, и не таких обламывали. По уставу, говоришь? Можно и по уставу. Например, сегодня объявляю вам наряд в не очереди. С дежурством по роте с 20.00 до 8.00.

– Не имеете права. Моя должность...

– Твоя должность?! – он противно рассмеялся, – твоё звание! Позволяет мне хоть окопы рыть ночью тебя поставить! И никто не скажет слова против.

Он встал из-за стола и направился ко мне.

– Но я могу ведь быть и добрым. И даже приятным. Очень.

Он подошел вплотную. Его дыхание касалось моего лица.

Рука скользнула по моему лицу. Я непроизвольно отдернулась, словно от жабы.

– Товарищ лейтенант, что вы себе позволяете? – я отшатнулась к двери.

– Баба ты красивая. Но глупая. Мы можем дружить, – он снова протянул руку в мою сторону. Я шархнулась к двери.

– Ну, а как я могу «не дружить», я уже показал. И это ещё не предел моих возможностей. Так что ступайте, готовьтесь к ночному дежурству. Как раз там и обдумаете моё поведение. А солдатики вам в этом помогут, – он засмеялся. Что-то было мерзкое в этом смехе.

Я выскочила из кабинета. И вбежала в свой. Остановилась, как вкопанная.

Все мои конспекты, записи и плакаты валялись на полу. Затапанные солдатскими сапогами.

«Ирма!» – ужас до холодного пота заставил, снося всё и всех на своем пути, бросится к локалкам.

Я подлетела к вольеру, повернула замок и крикнула: «Ко мне!». Собака, испугавшись такой реакции, метнулась ко мне и, не цепляя поводка, мы помчались прочь из локалки через

дальний выход. Стоило нам заскочить за угол вольера, как я увидела, что в локалку вошла группа солдат и остановилась перед вольером Ирмы.

– Тихо, девочка, тихо. Но быстро.

Я бросилась к дальней стороне выгулочной площадки. Там, за лесочком, прикрытая от глаз высокой зарослью, была дыра в заборе. О ней знали только мы с моей командой. Выломанная доска была декоративно приставлена и закреплена проволокой. Мы часто пользовались этим потайным ходом, чтобы сбегать за вкусняшками нашим четырёхлапым напарником. Вкусняшки всегда заканчивались неожиданно и в самый не подходящий момент. Вот потому и сделали мы себе такой лаз.

Ребята давно разъехались и только я знала о его существовании.

Собака четко бежала рядом. Достигнув цели, я приподняла доску и просто вывалилась наружу. Ирма тут же принялась облизывать лицо. Верный пёс никак не мог взять в толк, что это за новый вид развлечений и почему хозяйка на таких нервах.

Но страх быть настигнутой не давал отдышаться. Я перекатилась, вскочила на ноги и бросилась бежать прочь. Хорошо обученная собака бежала рядом.

На станцию нельзя. Именно там нас и будут искать. Я перебрала в мыслях всё известные мне, но малолюдные места. Однажды, когда мы искали Шона, я вышла на неприметную тропку и по ней – к соседней станции. Главное – не заблудиться!

Примерно через час мы уже были в электричке.

Самовольное оставление части. Тут можно влететь на огромные неприятности. И, если на собаку у меня есть документ и забрать её точно не получится, то мне жизнь он может откровенно сломать.

Хотя... Что там Фёдор Иванович говорил про замкомбата и приказ? Завтра, через центральное КПП схожу в штаб. Знал Фёдор Иванович, что делал. Ай-да, ротный! Ай -да, отец родной!

Теперь надо было как-то незаметно проникнуть с собакой в общежитии. Сейчас это сделать не удастся. Комендант точно на месте в это время. Да и народу много. Придется гулять с собакой до заката солнца. Да и нервы заодно успокоить.

И, не доезжая до своей станции, мы сошли и отправились к большому озеру. Вода действовала на меня всегда успокоительно. Словно смывала все тревоги. Даже если просто сидеть и любоваться водной гладью.

Ирма радостно носилась вокруг, гоня бабочек и стрекоз. Кроме пения птиц, ничего не нарушало тишину. Мы ушли на дальний берег и устроились, прикрытые огромными зарослями камыша от посторонних взглядов.

Вечерело. И почему к вечеру всегда так холодает? Я начинала замерзать.

«Ну, что, пошли, подруга, домой!» – кивнула я собаке и направилась к станции. Уже полупустая, поздне вечерняя электричка согрела и без происшествий доставила меня домой. Безлюдный городок и пустые коридоры общежития. Мы незаметно юркнули в свою комнату.

– Ты с Ирмой?! – муж искренне удивился, – что случилось.

– Случилось то, что твоя жена – дезертир. А с завтрашнего дня, если повезёт, простая безработная домохозяйка. С подпольной собакой. Точнее, собака-то официально моя, но вот в общежитии она «на птичьих правах». И даже ничего не говори, она останется здесь! А я постараюсь найти нам как можно скорее жильё, где можно с собакой. Извини, но пока ты остаёшься единственным кормильцем в семье.

– Справимся! Главное, бездомными всем вместе не оказаться из-за собаки.

– Будем прятать. Она – умничка, проблем не доставит.

Я оглянулась на собаку. Та развлекала дочь. Дочка уже надела на нее чепчик и кормила воображаемой кашей из кукольной посуды. Собака послушно открывала и закрывала пасть.

– Прорвёмся!

Утром, ещё до рассвета, я хорошенько нагуляла Ирму и, пока все спят, вернулась с ней в комнату.

Оставлять собаку одну в комнате было страшно. Она выросла и жила в вольере. Не знала закрытых помещений. Что, если она начнет гавкать? Но выбора не было. Мне надо было утрясти вопрос со службой раз и навсегда. Я не соглашусь на перевод в другую часть. Я помню слова ротного: семья – самое главное! Он поехал за распределением жены. А я уйду со службы, чтобы не ломать службу мужа. Хотя, посмотрим, куда возможен перевод. Вдруг рядом. Хотя я точно знаю, что ближайшая часть, где есть кинологи находится в соседней области, километров 200 отсюда.

Муж пообещал заглядывать в комнату как можно чаще. Как никак, его казарма как раз находилась всего лишь через плац от общежития.

– Ирмочка, девочка моя, прошу тебя, подожди меня здесь. И очень тихо. Просто поспи и отдохни, пока нас нет, – уговаривала я собаку.

Все перемещения: от общежития до электрички, от электрички до штаба – быстрым бегом.

Запыхавшаяся, я постучала в кабинет замкомбата.

– Входи, дочка, – добрые глаза убелённого сединой мужчины, смотрели словно прямо в душу. Я удивилась, что он догадался, кто за дверью. И словно прочтя мои мысли, он улыбнулся и пояснил:

– Так дневальный уже доложил, что ты ко мне бежишь. Только ждал я тебя ещё вчера. Долго ты бежала. Собаку свою прятала?

Я мотнула головой:

– Так точно!

– Ну и правильно! Мы в ответе за тех, кого приручили. Ну, что решать-то будем? Есть место в части, но далеко отсюда. И не уверен, что там будет место твоему мужу. И есть у меня рапорт о сокращении тебя по сокращению штата. Ещё Фёдором подписанный. По нему получишь отпускные и расчет за три месяца. И в первом и во втором случае, это молодое недоразумение, именуемое твоим новым командиром, ничего сделать не сможет. Ибо оба рапорта до его вступления в должность вступили в силу. Так что, выбирай. Тебе решать.

– Да я уже всё решила. Не буду я рисковать ни собой, ни семьей, ни собакой. Мало ли кто ждет меня на новом месте. Повезло один раз – не значит, что так будет всегда. Так что, я пожалуй, за второй вариант. С сокращением.

– И верно, дочка. Нечего тебе среди вояк делать. Не женское это дело. Поиграла и хватит. Служила ты исправно. Бумаги в порядок привела. Честь нашей части на соревнованиях отстояла. Пора и честь знать. Своей жизнью заняться.

Он взял на столе папку и передал мне.

– Здесь все документы. В бухгалтерии получишь расчет. Да, не пугайся ты каждого шороха. Я ещё вчера твоего узурпатора с бумагами в соседнюю часть отправил. Там его три дня продержат. Всё спокойно делай. Тебе только бухгалтерия нужна. Передача дел и должности ещё Фёдором подписана. Ступай с Богом и не поминай нас дурным словом. Увы, даже зная про подобные выходы, защитить мы тебя не в силах. Потому как для того он и командир, чтобы иметь власть над своим составом. И власть эту не все с честью используют. Направит в командировку на передовую и никто не сможет отменить его приказ. И нарядами ночными хоть каждый день может гнобить. Так что, всё, что мы можем для тебя сделать, мы сделали. Прости, что так вышло.

Он подошел и по-отцовски похлопал меня по плечу.

– Спасибо! Всё к лучшему! Видимо пора мне дальше двигаться! Спасибо вам за помощь! Разрешите идти?

– Ступай.

В бухгалтерии тоже всё уже было готово. Подпись, конверт, свободна.

И бегом обратно в общежитие.

Я открыла дверь и сердце ушло в пятки. Пустая комната встретила меня тишиной.

Но не успела я захлопнуть дверь и умчатся в поисках собаки, как еле заметный шорох привлёк моё внимание.

Я закрыла дверь и прислушалась. Тишина. Я тихонько позвала: «Ирма!»

И тут же шорох усилился и из-за дивана показалась знакомая мордашка.

– Ирма, как ты меня напугала! Но какая же, ты, умничка! Как ты это здорово придумала!

Я обняла собаку.

Так началась наша с ней подпольная жизнь. Город засыпает – просыпается мафия. Как только в общежитии становилось тихо и безлюдно, мы, как партизаны, крались с ней на улицу. И гуляли, пока я совсем не начинала засыпать. А через несколько часов надо было также, не разбудив дочь и мужа, незаметно снова выскользнуть и ещё раз выгулять собаку.

Днем Ирма спала у меня в ногах или уходила за диван, если я выходила из комнаты. Несколько раз соседки заскакивали то за солью, то что спросить, и всегда, стоило только постучать кому-либо в дверь, собака мгновенно исчезала за диваном. И ни малейшим звуком не выдавала своего присутствия. Как она поняла, что надо именно так себя вести, осталось загадкой.

Мне было до слез жаль, что она вынуждена целыми днями сидеть в комнате, но поиск жилья не давал результата. С собакой никто не пускал.

Так прошел месяц. Собака проводила день в комнате, я носилась в поисках жилья.

Особыми друзьями стали Ирма с моей дочерью. Раньше Алёну было не забрать из детского сада. Там ей было интереснее, чем дома. А теперь, стоило мне подойти к калитке участка из группы, как малышка со всех ног бежала ко мне и тянула за руку домой. Там её ждала её лучшая подруга, Ирма. Они до самого позднего вечера играли вместе. Собака не просто терпела свою маленькую хозяйку, а действительно обожала её общество.

В выходные я забирала собаку рано утром и исчезала с территории части. Уходила в ближайший парк и там ждала, когда, проснувшись и позавтракав, к нам присоединится дочка с мужем. Хотя муж, отдав мне дочь, часто отправлялся по своим делам. Он мечтал найти подработку. А наши «женские» развлечения ему были не интересны.

Уже в первый же наш выход в парк, спустя два часа прогулки, вокруг нас собралась приличная орава местных ребятишек разных возрастов. Дочь важно учила каждого, как играть с собакой. Они кидали ей по очереди палочку, а в замен просили исполнить разные трюки. Веселая компания сопровождала нас весь день, до самого позднего вечера. Потом приходил муж, забирал дочь, а мы с Ирмой ждали, когда хорошенько стемнеет и под покровом темноты пробирались, словно воры, назад в общежитие.

Каждые выходные толпа детей вокруг нас становилась всё больше. Слава о волшебной собаке быстро облетала городок. И вот уже лавочки вокруг нас заполняли и зрители без детей. И мамочки с колясками, вдруг, стали выбирать именно этот маршрут для прогулок по парку.

И только возвращение по ночам и короткие ночи серьезно расшатывали и нервы и здоровье. Я жила в постоянном страхе, что однажды нас застукает комендант и выставит вон.

Но беда пришла оттуда, откуда не ждали.

Глава 11

– А что это за чемодан?

Вернувшись вечером, я увидела странный предмет у порога нашей комнаты.

– Наташ, нам надо серьезно поговорить. Присядь, пожалуйста.

Тон мужа и его странное выражение лица заставили меня немедленно присесть на стул. «Серьезных разговоров» я даже не помнила на своей памяти. Первая мысль – «собаку обнаружили!». Озноб прошел по коже и мне стало жутко холодно в теплой комнате.

– Что случилось?

– Я очень надеюсь, что ты всё правильно поймешь. И мы обойдемся без истерик.

Я не узнавала своего мужа. Это был словно чужой человек. Это совсем не его голос и не его взгляд! Что происходит! Таким строгим я видела его только с солдатами на службе.

– Я не буду ходить вокруг да около. Скажу прямо. Я полюбил другую. И мы с ней уезжаем завтра. Я уволился и подал на развод. Делить нам нечего, дочь остаётся с тобой. Вы можете оставаться здесь ещё месяц. С командиром я договорился. О собаке он тоже знает. Как и комендант. Их дети от нее в восторге и с нетерпением ждут ваши встречи в парке. Так что можешь больше не прятаться.

– Давно?

Я словно в кошмарном сне смотрела на этого человека и не узнавала. Это точно не мог быть мой Серёжа. Этот лёд в голосе и в глазах. И вообще, что за бред он сейчас несёт? Это такой злой розыгрыш?

– Что – давно? Давно ли мы с Верой вместе? Давно. Уже год.

– Да нет. Давно все знают про собаку?

Удивление перекосило такое любимое лицо.

– А причём тут собака?

– Я спрашиваю: давно комендант знает про собаку?

– Да почти сразу, как ты её притащила! У него сын с ума сходит по собакам и ходит в одну группу с нашей дочкой. Он же самый первый и прибежал в парк, когда вы туда приходили.

– Но тогда зачем это было всё? Зачем эти прятки, игры в партизанов? Я же уже больше месяца сплю всего по 4 часа в сутки! Зачем? За что?

Он отвернулся к окну. Молчание.

– Ты сама так хотела. Это была твоя идея.

Мне казалось, что мир вокруг меня рушится. Сначала я потеряла любимую работу. Теперь – любимого человека и семью.

Мокрый нос ткнулся мне в руку. Ирма подошла и села передо мной. И положила на меня голову. Преданные глаза заглядывали мне в лицо. Этого хватило, чтобы слёзы непрошено навернулись на глаза. Я всхлипнула.

– Вот только этого не надо! Не надо давить на жалость! Я тоже человек и у меня могут быть чувства! И я устал тянуть эту лямку! Устал жить в таких условиях!

– А как же дочь?

– А что дочь? Алименты я буду платить исправно. Как немного успокоишься, чтобы без вот таких вот истерик, то и навещать могу. И денег вам тоже немного оставлю. На первое время хватит. Ты не маленькая девочка, сама должна решать свои проблемы. Я устал тащить это на своей шее.

И протиснувшись мимо нас, он вышел из комнаты.

Собака подняла голову и слизнула слезу. Потом ещё. Положила мне лапу на колени. А голову на лапу. И заглядывала мне в глаза.

Я обняла её за шею и дала волю слезам.

Дочке через три месяца в первый класс. А мы теперь бездомные и безработные. И есть всего месяц, чтобы хоть как-то решить эту ситуацию.

Мне казалось, что это ночной кошмар. Сейчас я проснусь и всё будет по старому. Моя служба, Фёдор Иванович, наша команда, дома – любящий муж и счастливая дочка. Но, увы, это была реальность, а не сон.

И надо было ещё придумать, что сказать дочери.

Хорошенько нарыдавшись и окончательно поняв, в какую передрыгу я попала, я решила для начала просто хорошенько выспаться. Мозг должен быть отдохнувшим.

Пока я билась в истерике, дверь хлопнула, и, обернувшись на звук, я заметила, что чемодан исчез, а пачка денег появилась на тумбочке. И на том спасибо!

Итак, говорят, что если вы на дне, значит пришло время оттолкнуться и всплыть! А мне кажется, что это именно дно! Ниже только, если я очень быстро не найду жильё и работу. И это будет уже даже не дно. Это будет могила. И сразу для всех троих: меня, дочери и собаки. Нет, на такое я не согласна!

Если жизнь подсовывает лимон, не жуйте его, кривясь, а делайте лимонад!

Злость и решительность стёрли напрочь слёзы.

Сначала хорошенько выспаться! Это пункт первый!

Потом составить план действий!

Нужна хорошая, отдохнувшая голова!

– Ирма, пойдём, заберём Алёну и устроим наше представление прямо по дороге сюда!

И пусть весь мир подождет!

Собака завиляла хвостом и подхватила поводок.

– Вот именно, милая! Раз о нас тут всем известно, то мы имеем полное право гулять сколько хотим!

И, захватив пару игрушек для собаки, я бодро вышла из комнаты.

Дочь очень удивилась, что мы пришли за ней во-первых: рано, во-вторых: вдвоём с собакой.

И очень обрадовалась. Пока ребёнок вот в таком счастливом настроении, можно попробовать сказать ей про отца.

– Алёнушка, доченька, папа уехал в командировку и не успел попрощаться. Он передал, что очень тебя любит.

Дочь замерла и обернулась на меня. На детском лице я увидела совсем не детские эмоции.

– Мама, он уехал с тётёй Верой. Он больше не будет жить с нами.

Я чуть не рухнула от этих слов. Благо береза оказалась прямо за моей спиной.

– Откуда ты знаешь?

– Они сами рассказали. Они же каждое утро, пока ты Ирму выгуливала, со мной завтракали. И вечером тоже она у нас была. Она хотела со мной подружиться, но я не хотела, чтобы папа с ней уезжал. Но он всё равно решил уехать. Потому, что у него там будет другая жизнь. Но ты не волнуйся, я не буду по нему скучать или плакать. У нас в группе почти у половины ребят вообще папы нет и не было никогда. И ничего, вполне себе счастливо живут. А у нас ещё и Ирма есть! Она нас с тобой точно не бросит.

Дочь обняла собаку за шею. Та лизнула детское лицо.

– А ещё, ты у меня, мамочка, самая красивая и молодая! Так что мы ещё найдем себе папу получше. Так Вадик сказал, а он всё таки мужчина и разбирается в этом.

Вадик – лучший друг моей дочери в садике. И сын наших соседей по этажу. Мальчишка смывленный и серьезный. Он взял под свою опеку Алёну сразу, когда мы заехали в общежитие.

Солдаты заносили тогда наши вещи. Вдруг, словно маленькая молния, мальчишка метнулся за мою спину и прикрыл собой Алёну. Оказывается, солдат нес несколько коробок стопкой и верхняя начала падать. Ребёнок увидел это и кинулся закрыть собой малышку.

Коробка упала в нескольких сантиметрах от детей. Алёна даже не успела испугаться. Зато тут же объявила Вадика героем и стала его тенью. Каждую свободную минуту эти двое проводили вместе. И к обоюдной радости, оказались ещё и в одной группе детского сада. Вадик был старше Алёны почти на год, но его родители не хотели отдавать его в школу рано и оставили ещё на год в подготовительной группе. Они ждали перевод в другую часть и не хотели, чтобы сын менял школу после первого класса. Ещё и эта разлука предстояла моей дочери и мне было очень больно даже думать о том, как много всего свалилась на плечи моей малышки. Острое чувство вины, за то, что не смогла её от этого уберечь, жгло душу, но как исправить это, я понятия не имела.

И только то, как весело заливается она смехом, играя с собакой, как та её нежно опекает, согревало и давало мне силы. Мы обязательно будем счастливы! Всем врагам на зло!

Утром, взяв с собой Ирму, я отвела дочь в детский сад, а сама поехала в посёлок рядом с моей бывшей частью.

Во-первых, я хотела проведать Шона. Во-вторых: в частном секторе, возможно, найдутся дачи, которые хозяева решатся сдать даме с собакой и ребёнком. Весь «букет» который обычно пишут владельцы квартир, перечисляя с чем нельзя. Собака и ребёнок. Но вдруг среди дач будет шансов больше.

Сначала надо найти жильё, а потом, рядом с ним, искать работу и школу для дочери. Так я рассуждала, провертевшись половину ночи без сна. Сказывались волнения.

– Ой, как замечательно, Наташенька, что вы зашли! Вас так давно не было, что я уже стала волноваться. А волноваться в моём возрасте дело опасное. Спасибо, милая, что не забываешь старуху и своего друга.

Хозяйка Шона потрепала его за шею и спустила с поводка. Ураган не сдерживаемой радости чуть не сбил меня с ног, закружив в вихре собачих эмоций. Пёс никак не мог определиться, кому он больше рад: мне или Ирме и норовил обеих лизнуть по очереди.

– Тихо, тихо, оглашенный! Затопчешь своей любовью девчонок!

Она попробовала усмирить пса, но тот аж подскуливал от переполняющей его радости.

– Да пусть радуется! Хоть кто-то в этом Мире так рад нас видеть.

– Ну, милая, то что я не виляю хвостом, как этот сумасшедший, и не пытаюсь повалить тебя на землю, совсем не умаляет моей радости вас видеть. Но слова твои мне не понравились. Проходи и рассказывай, что стряслось? Я – бабка старая, много выдавшая. Вдруг чего путного и подскажу. Одна голова хорошо, а две – лучше.

И она засемила к лавочке под яблоней, приглашая меня идти следом. Шон, получив свою порцию обнимашек со мной, полностью переключился на Ирму, и они вихрем носились вокруг нас по участку, стараясь не затоптать грядки.

Глава 12

– Ну, милая, эка же тебя судьба тряхнула. Но не падай духом, самые темные часы всегда перед рассветом. И с жильем попробую помочь тебе. Поговорю с местными старухами, вдруг кого и уговорю. А если нет, и время съезжать подойдет, то тоже не пропадешь, мне компанию составишь. Домишко у меня старенький, маленький, с удобствами на улице, но хоть не на улице же спать. А с работой, та- то объявления тебе надо дать, что собак учишь. Тут много кому такая помощь нужна. Хоть какие деньги, но сразу, не ждать полмесяца до полочки. А с твоими талантами так быстро клиентурой обростёшь. Вот садись, и прямо сейчас пиши объявления и пойдем с тобой их по посёлку расклеивать.

Она сходила в дом и вернулась со школьной тетрадкой и ручкой. И протянула их мне.

– Нечего откладывать то, что можно сделать прямо сейчас. Пиши!

Я послушно начала составлять объявление.

– Вот и отлично. Вот и славно. А теперь пойдем гулять, да развешивать, – стоило мне исписать всю тетрадь, скомандовала женщина. И прицепив поводки к ошейникам наших собак, мы направились вдоль улицы.

– А точно можешь чему обучить любого оболтуса?

Голос за спиной заставил меня вздрогнуть. Мужчина средних лет стоял рядом с, только что наклеенным мною, объявлением.

– А ты, милоч, не сомневайся! У тебя дело есть или ты так, от любопытства? – тут же ответила ему Ольга Яковлевна.

– Чего мне из любопытства время тратить? Есть у меня пёс, дурак дураком, но жена его любит. Его бы хоть простеньким командам каким обучить. Чтобы перед людьми меньше стыдно было. Только там действительно специалист нужен серьезный. Собака большая, но, как пробка, глупая.

– Ну-ка, Наташенька, покажи ему, чему твоя собака тобою обучена, – подперев руки в боки, скомандовала моя помощница.

Мы с Ирмой устроили мини представление, демонстрируя самые любимые наши трюки.

– Вот так цирк! Вот так собака! Сразу видно, что умная! Не то что мой балбес!

– Да причём тут собака! Наталья у нас хоть зайца обучит чему угодно. Талант у девки, я тебе точно говорю. И из твоего балбеса человека сделает. Если за цену договоримся, – ох и азарт в глазах этой женщины. Словно замуж меня пристраивает, а не первого клиента уговаривает. Хотела я вмешаться, так она мне поводок Шона в руку сунула и кинула:

– Помолчи, молодая, когда старшие разговор ведут, – и сама с ним продолжила.

– Сколько за час занятий заплатишь?

– Ну, сотню могу.

– За сотню ты сам своим балбесом занимайся. Пошли, дочка, – обернулась она ко мне. А я заметила, как мигнул странно её глаз.

– Ну, 120 устроит?

Я бы уже от радости прыгала от таких денег, а Ольга Яковлевна мне подмигивает и рот открыт не позволяет.

– 200 за час и чтобы обедом накормил сытно. А сколько раз в неделю заниматься, так то она после, как собаку увидит, скажет. Если устраивает, пиши адрес. И она сунула ему одно объявление и ручку.

– Ох, устраивает. Ты, бабка, кого хочешь уговоришь. Сегодня вечером сможете прийти собаку поглядеть? Часам к восьми?

Я переглянулась с Ольгой Яковлевной и кивнула.

– Ну и отлично! Ну и договорились.

– И платить будешь перед занятием. А то потом поди докажи, что не оплачено.

– Хорошо. Только, если результата не будет я с вас шкуру с обеих спущу. Договорились?

– Договорились. Резонное предложение.

Я не верила своим ушам. Двести руб за час?! Да это ж какие деньжищи!

Только с кем мне дочь вечером оставлять? Если я так поздно собакой заниматься буду.

Словно прочитав мои мысли, бабушка сказала:

– А пока ты с собаками чужими прыгать будешь, дочь твоя меня, старую, развлекать будет. А Ирма – Шона. Считай, такая твоя плата мне за подсказку и помощь. Ещё, вон, листки не всё поклеили, а уже и улов. Впечатлила ты его своим представлением!

Вечером, забрав дочь из сада и оставив с Ольгой Яковлевной, я пошла по указанному адресу.

Огромный высокий красивый забор, спрятанный за густыми соснами. Резная табличка. Звонок.

– А, пришли? Отлично-отлично! Ну, пойдёмте знакомиться, – знакомый уже мужчина открыл калитку и пошёл впереди по мощённой дорожке.

Огромный дом, словно с картинки. Я таких даже не видела никогда. Даже представить себе не могла, что в таких домах люди живут. Колонны у центральной двери. Большие клумбы с красивыми цветущими кустами. Беседка. Мы зашли за дом, и я увидела домик чуть меньше, с сетчатым забором вокруг. Стоило нам приблизиться, как огромное лохматое чудище, размахивая хвостом, как опахалом, выскочило из этого домика и понеслось в нашу сторону.

– А вот и мой оболтус, – указал на, приближающуюся собаченцию, мужчина.

– Что, продешевили? – ухмыльнулся он, видя мою реакцию, – но уговор – есть уговор! Так что, всё, двести за час и через месяц, чтобы он, если не как твоя собака умел, то хотя бы на зов подходил и на чужих гавкал. А то размер большой, а толку никакого. Только напугать да облизать и умеет. Только кормим этого дармоеда зря. Ну как? Не передумала?

Собака в это время уже во всю пыталась меня облизать и запрыгнуть на руки. Только сетка и спасала.

– Да почему бы и не научить. Только вы прямо конкретно скажите, каким командам его научить.

Ухмылка уступила место нескрываемому удивлению. Видимо мои 52 кг веса и собачьи больше 80 не сопоставлялись в его сознании, как учителя и ученика.

А у меня, видя, что пёс не агрессивный, азарт проснулся. Доказать этому человеку, что не бывает глупых собак.

– Ну, каким сможешь. Там, на зов прибегать, садиться, ложиться по команде. Двор охранять. Сколько часов в день можешь с ним заниматься? И как часто?

– Так я могу и каждый день. Больше двух часов за раз, смысла нет, собака устанет.

– Вот и договорились: каждый день по два часа. В какое время сподручнее?

– Мне бы днём...

– Да хоть ночью! Тут у меня помощник есть. Михайло. Он круглые сутки здесь. И калитку откроет и к собаке запустит. Что вам для работы ещё надо? Ну там ошейники какие или плётка?

Я отшатнулась.

– Какая плётка? Еду какую ваша собака любит?

– Да всё он любит. Что не кинь – всё смолотит.

– Тогда мясо нужно для начала. Кусок размером с ладонь на каждое занятие. Нарезанный на маленькие, по сантиметру, кусочки.

Теперь наступил момент мужчины изобразить недоверие и удивление.

– Ну надо, так надо. Как скажешь.

Я подошла к дверце этого шикарного вольера, мужчина открыл замок и я шагнула внутрь.

Ураган не сдерживаемого собачьего счастья просто припечатал меня к сетке. Огромные лапы уперлись в грудь и язык прошелся по моему лицу.

– Ну, я же говорил: дурак – дураком.

– А зовут-то его как?

– Феномен. Ну, или просто Фен.

Услышав свою кличку, пёс ещё радостнее запрыгал на меня.

– Отлично. Оставьте нас с ним одних на час. Через час, я скажу, буду ли я с ним заниматься.

– Не, подруга, так не пойдёт! Твоя бабка сказала, что ты с любым справишься. И мы договорились. Так что всё, попала – так попала. Вот, держи. За два часа. Через два часа приду, открою. И просунув мне в сетку деньги, мужчина закрыл замок. И пошёл прочь.

А буквально через несколько минут пришел другой и протянул мне миску с резанным на кусочки мясом.

Я вдоволь натискав собаку, которая, наконец, начала успокаиваться, взяла вкусняшки и решила проверить, на сколько всё плохо.

Пёс оказался чудо как сообразителен. И уже через полчаса мы могли хоть на соревнованиях продемонстрировать и команду «Сидеть!» и команду «Лежать!» и движение у ноги рядом.

– Да, радость моя, с тобой много не заработаешь. Мы так с тобой и за неделю весь курс общего послушания выучим, – обняла за шею я своего нового ученика.

Через два часа, вдоволь насладившись реакцией хозяина на наш результат, я весёлая и счастливая побежала за Ирмой и Алёной. Надо было успеть рассказать обо всём Ольге Яковлевне и не слишком поздно приехать в общежитие.

Теперь каждый день, как на работу, я забрасывала дочь в сад, Ирму к «нашей бабушке» и летела к своему новому подопечному. Через три дня решила выходить на занятия в лесок, рядом с их домом. Там созрела земляника и я чередовала занятие с собакой и сбор ягоды, пока собака отдыхает.

А уже через неделю хозяин похвастался успехами Фена перед своими друзьями, и у меня появились ещё четыре собачьих ученика.

Теперь за наличие денег можно было не переживать. Но что делать с жильём? Срок выезда из общежития приближался, а найти хоть какое-то жилище так и не представлялось возможным.

– Вот ведь гад какой! Ты только подумай!

Хозяин Фена был явно не в духе. Яростно хлопнув калиткой, мужчина пересёк газон, игнорируя тропинки, и с шумом хлопнул входной дверью дома.

Да, отчитаться сегодняшними успехами явно не получится. В таком духе я его ещё никогда не видела.

Я дождалась Михайло, чтобы он закрыл за мной калитку, и, не сдержав любопытства, спросила:

– А что с хозяином? На кого он так?

– Да сторож наш, на участках который, уволился сегодня и уехал, даже не предупредив. Он там с женой жил. За стройкой приглядывал, да чтобы ночами никто не лазил по стойке, смотрел. И ведь что не жилось-то? Домик у них отдельный, питанием хозяин балует, даже икра почти всегда есть, работы мало, платит хорошо. Так нет же, сбежали! И не предупредили. Записку оставили. Хорошо, хоть, не упёрли ничего. Вот он и лютует. Сам туда ночевать идти хочет. Так жинка его ревнивая. Скандал устроила. И меня туда не отдаёт. Видите ли, здесь ей без меня тяготно. А чего тяготно, если работы-то всё одно мало. Газон стричь, да продукты с машины домой относить. Но ей, видишь ли, ночами страшно, когда в доме народу мало. А чего мало-то? И повар, и работница тоже здесь ночуют. Нет, ей и меня надо. Вот наш хозяин и лютует. Кого он туда сейчас найдет поселить? Пока найдет, там всё и растащат местные.

Вдруг шальная мысль родилась в моей голове.

– Домик там, говоришь, хороший? С проживанием сторож нужен?

– А чего, есть кто на примете?

– Есть, Михайло, есть! Веди к хозяину! Попробуем решить его проблему!

Впервые я была внутри этого дома. Дорогая мебель. Деревом отделанные стены. Люстра, достойная дворца. Ковер, с ворсом, что ноги утопают. Разве бывает такое жильё? Разве такие вещи бывают? Даже в магазинах никогда не видела я такой мебели и такой техники.

– Ну что ещё? Без вас сейчас тошно. Не до собаки тем более, – возмутился хозяин, увидев кого привел Михайло.

– Так она говорит, что у нее сторож есть. С проживанием. Может быть, дело говорит? – подал голос Михайло.

Хозяин тут же сменил гнев на милость и с интересом направился в нашу сторону.

– И что за человек? Доверять можно? Не пьёт?

– Не пьёт. Не курит. Доверять можно. Бывший военнотружущий. С собакой, обученной к охране и задержанию. Готов к проживанию. В еде не привередлив. Имеет дочь. Ребёнок послушный и аккуратный. Готов хоть сейчас перебраться и заступить на службу. Подходит?

– Ну, по описанию, подходит. И как с ним связаться?

– Да легко.

– Как?

– Это я.

Мне казалось, что я уже привыкла к его гримасе удивления, но не тут-то было. Такие смены выражения я ещё не видела.

В такт ему менялось и лицо Михайло. Но тот быстрее справился. И пришел на помощь.

– А что, хозяин, её мы уже знаем. Девка толковая. Ей же не защищать надо от кого хозяйство, а присутствием отпугивать и, в случай чего, милицию и нас вызвать. Да и собака, опять же, обучена есть. Чем плохо-то? Опять же, с ребенком. Тем более эффект проживания семьи будет.

– Ну, может быть, ты и прав. Да и где мне искать кого сейчас? А местным же, главное, видеть, что там кто есть. Что не без присмотра оставлено. Зарплата там, правда, не большая. 1000 руб в сутки, но продукты всё привезем. Просто список составляй и Михайло закупает и привозит. Днем можешь делать, что хочешь, гулять где хочешь, но до темноты быть на участках. Свет везде включить, калитки проверить, чтобы заперты были. Сигнализацию всю проверить, обойти. А утром, наоборот: сигнализацию отключить, свет везде выключить. Там рабочие дальше сами калитки откроют, работать будут. В это время они за всё отвечают. Только стройка там. Весь день шум сильный. Так что, ребенку днем поспать не получится. Устраивает?

– Пока, да! Надо посмотреть объект.

– Поехали. Михайло, выгоняй машину.

Домик оказался не домиком, а настоящим домом. По сравнению с домами в посёлке, двухэтажный, красивый, современный. После общежития, где наша комнатка была того размера, что здесь спальня, он казался огромным и просторным. «Здесь и заблудиться в два счета,» – подумала я, обходя комнаты.

Сами участки были тоже большими. И на каждом строился похожий дом. Везде лежали стройматериалы. Каждый был огорожен своим забором и снабжен видеокамерой и сигнализацией. Любое нарушение границ тут же включало освещение участка и сирену.

– Вот так вот обходишь и проверяешь, чтобы вот эта лампочка красная светилась. Это сигнализация. И вот этот синий огонек. Это освещение.

Если где сработала сирена, бежать туда не надо. На экране монитора в комнате смотришь, что там происходит. Если какая живность, то пусть себе гуляет. Просто выключаешь сигнализацию и включаешь заново. А вот если какое двуногое залезло, жмешь кнопку вызова

милиции и звонишь мне. Сама не суёшься. Героиню здесь строить не надо. Пусть специально обученные люди этим занимаются. Мы им за то налоги и платим. Вот и вся работа. Спишь, надеюсь, не крепко? Сигнал не проспий? Хотя... он тут такой, что и мертвого разбудит. Вот только, как сделать, чтобы ребёнок твой от таких звуков не пугался?

– Да не напугается она. Родилась рядом с полигоном. Под взрывы и стрельбу росла. Один раз включить надо, чтобы объяснить, что за звук и, думаю, дальше проблем не будет.

– Ну, ты – мать, тебе виднее. Вот, в общем, такая вот работа. Берешься?

– Берусь, – ответила я, пытаюсь скрыть радость. Неужели, я нашла нам жильё?! Да ещё и так, чтобы не я за него платила, а мне ещё и доплачивали.

– Наталья! Наташенька! – стук в окно разбудил меня среди ночи. Я уже привыкла к новому дому и новой работе. Алёна тоже была счастлива. Ребёнок каждый день теперь носился по всем комнатам и отказывался идти на улицу: внутри ей всё казалось волшебным сказочным замком, а общения хватало и в детском саду и по выходным в парке, где мы по-прежнему собирали целые толпы зрителей.

Сигнализация ни разу не сработала вот уже за два месяца.

Фин был обучен всему, чему только можно. Отлично слушался и шикарно охранял двор. Но хозяин по-прежнему настаивал на ежедневных занятиях: «чтоб не забывал ничего».

Клиентов тоже стало много. Даже не всех желающих получалось взять – не хватало времени. Собаки радовали своими успехами.

Жизнь наладилась.

Оставался лишь один вопрос: через месяц Алёне надо идти в школу. А в какую – я так и не решила. Вблизи была только школа нашей части. И туда брали только местных ребятшек и детей военнослужащих нашей части. Я теперь не была ни тем, ни другим.

И вот, ранним утром меня разбудил стук в окно.

Я выглянула. Под проливным дождем стоял Михайло, и тарабанил в окно.

Наспех накинув халат, я распахнула входную дверь.

– Наташенька, твоя же собака искать умеет? Ну, человека, например? В лесу найти сможет?

– Я думаю, попробовать можно. Когда-то на это я её тренировала.

– У хозяина нашего мать -старушка вчера за грибами ушла утром. И пропала. Они её с милицией уже сутки ищут. И никак. А она старенькая, сердце слабое. Ни случилось бы беды. Их собаки не взяли её след. Говорят, поздно обратились и другие люди всё следы затоптали. Вдруг твоя сможет?

– Мне только дочь с кем оставить?

– Так Тамара, помощница по дому следом уже бежит. Посидит с малышкой. И я тут побуду. А ты хватай собаку и беги к хозяину. Он отвезет к дому матери.

Навык одеваться на скорость очень пригодился и уже через несколько минут мы с Ирмой бежали к дому хозяина. Ох уж эти утренние пробежки! Так освежают! Особенно по росе в пять часов утра под проливным дождем.

В голове пролетела мысль: «Какой след под таким дождем?! Бесполезное занятие!». Но непонятно на что, надежда всё-таки толкала вперёд.

– Мне нужны её ношенные недавно вещи, – перекрикивая шум дождя и мотор машины, прокричала я Иван Иванычу (так звали хозяина). Тот дал распоряжение водителю заехать к ней домой. Мне не виден был сам дом. Машина притормозила рядом с высоким забором, Иван Иваныч выскочил и уже через несколько минут, заскочил обратно, с пакетом в руках. Он передал его мне.

Коричневое кашемировое платье, старенькое и поношенное, пахло старостью. Так обычно пахнет в домах стариков. Это запах корвалола и старых вещей. Дома у Ольги Яковлевны также пахло.

Через несколько минут машина остановилась около леса.

– Мне нужна яркая небольшая тряпочка. Она будет на ошейнике собаки, чтобы её в сумерках не приняли за волка или за бродячую собаку охотники и не испугалась ваша мать. И ещё записка. От вас. Чтобы оставалась там, где её найдет собака и ждала нас.

Получив, всё что просила, я повязала тряпочку на ошейник собаке, а записку положила в целлофановый пакет и привезла к лапе.

– Ну, что, Ирмочка, нужна твоя помощь. Нюхай! Внимательно нюхай! Надо найти эту женщину и не напугать. Найти и привести нас к ней или её к нам. И, умоляю, сама не потеряйся! Ты – моё сердце, я не выживу без тебя!

Я обняла собаку, похлопала по спине и отпустила:

– Ищи, милая, ищи! И возвращайся!

Бежать с ней вместе не имело смысла: она бегаёт намного быстрее меня. А в высоких зарослях леса поводок только бы мешал ей в поиске.

Я затаила дыхание и стала ждать. Время вдруг замерло и стало течь невыносимо медленно. В памяти всплывали события нашей с ней жизни.

Вот она умирает от истощения. Вот мы несем её к врачу. Вот она радуется меня первыми своими навыками. Вот она, с окровавленной лапой выходит из пруда. Вот летит на глухой барьер без моей команды. Вот мы стоим на пьедестале победителей соревнования. Вот играет с дочкой в комнате и исчезает за диваном при любом шорохе за дверью.

«Только вернись, милая, только вернись!» – молюсь я, проклиная себя, что решилась на такой шаг.

– Собака! Ирма! – раздаётся крик рядом и я подскакиваю на встречу своей любимицы.

Почти пять часов она была в лесу. Почти пять часов моя душа испытывала муки. Я проклинала себя с каждой минутой всё больше и больше и решала, что взять с собой в лес, когда пойду её искать. Может быть на много дней. Даже ужасные картины происшествий и встреч с дикими зверьми пронеслись перед глазами. И вот моя девочка показалась в траве и я кинулась ей на встречу. Собака подбежала ко мне, прыгнула лапами на грудь и метнулась снова в сторону леса.

– Кажется она её нашла! Быстрее за ней!

Все люди побежали в сторону собаки. Та, отбегая на расстояние, несколько раз гавкала и бежала дальше.

Ветки драли кожу сквозь одежду. То и дело я падала, споткнувшись то об одну ветку, то о другой корень. Но бежала вперед.

Когда сил бежать уже не осталось, а из всех, кто бежал вместе, где-то рядом бежал только кто-то из поискового отряда, я выдохнулась и остановилась. Лай собаки опять требовал следовать за ней.

– Ирма, подожди! Я не успеваю! – крикнула я из последних сил, боясь потерять собаку из вида.

Через несколько минут шорох веток рядом заставил меня вздрогнуть и тут же вскрикнуть от радости: Ирма подбежала ко мне и легла напротив. Собака тяжело дышала. Она тоже устала.

– Давай отдохнем пару минут и спокойно пойдем дальше. Если так бежать, то помощь может понадобиться нам самим.

Я обняла собаку, заваливаясь рядом. Закрывает на минуту глаза и постаралась восстановить дыхание.

Через несколько минут мокрый нос ткнул меня в щеку.

– Пора? Пошли. Только пошли, не побежали. Вперед, милая!

Собака послушно пошла впереди, словно на растянутом длинном поводке. Постоянно контролируя, что я не отстаю.

Я уже не слышала голосов людей. Они далеко отстали. Видимо, я ещё не утратила боевую подготовку и наши постоянные кроссы всё ещё держали меня в форме.

И вдруг собака заскулила и бросилась вперед. Я рванула тоже.

Рядом с березой, промокшая и дрожащая, лежала пожилая женщина. Ирма мгновенно легла рядом, прижавшись всем телом. Она старалась согреть её своим теплом.

– Вы живы? Вы не ранены? Вы можете идти? – я прикоснулась к плечу женщина.

Та вздрогнула и открыла глаза.

– Да. Я просто сильно замерзла. И заблудилась. Вы можете мне?

Она попробовала встать, но сил явно не хватало.

Я сняла свой плащ и завернула в него женщину.

– Лежите. Вам надо беречь силы. Сейчас придут люди и мы вас вынесем из леса. Всё будет хорошо. Пейте, – я протянула ей горячий чай в термосе.

– Ирмочка, девочка, ты – мой герой! Как же ты её нашла? Но пока не время расслабляться. Сами мы не справимся, веди остальных. Вперед! – скомандовала я собаке, и та мгновенно исчезла в зарослях. Я распахнула плащ на женщине и прижалась к ней своим телом. Она была просто ледяная.

– Это твоя собака? Чудо, а не животное. Я же была без сознания, когда она меня нашла. И пришла в себя оттого, что это чудо вылизывала мне лицо и пихала лапами. Я даже испугаться не успела, до чего добрые и умные у нее глаза! Словно в самую душу смотрят. А потом она стащила пакетик со своей лапы и сунула мне его в руку. Разве такие собаки бывают? Разве этому можно научить? – женщина чуть не плакала, вспоминая их с Ирмой встречу.

– Да, она действительно очень умная. Научила я её многому, но она меня – ещё больше чему.

Что в отвлечь старушку и не давать ей отключиться, я стала рассказывать про то, как я встретила Ирму, про нашу службу, про то, как мы учились с ней, как дети учат её трюкам и как она любит с ними играть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.